

ВРЕМЯ РАССТАВАНИЙ И ТРЕВОГ

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий. <...>

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

*Из выступления В.М. Молотова
по радио 22 июня 1941 года*

22 июня 1941 года

— Вставай, из райкома просят к телефону.

Выругавшись по адресу райкома, сквозь сон начинаю брюзжать, что не дают отдохнуть в выходной.

— Алло! А что случилось? Что? Сейчас же явиться в райком? Хорошо, буду без промедления.

В восемь часов в комнате райкома собралось большинство секретарей парторганизаций. Предложено перейти в дом партактива на 5 линию, дом 15 и ждать указаний райкома.

Во дворе у каждого спрашивал — не знает ли он, с какой целью сделан вызов. Суждения, догадки, но толком никто ничего не знает. В воздухе проносятся наши самолеты. <...> Напряжение с каждым часом растет. <...>

В 12 часов дня по радио выступил Молотов. Война с Германией. Коммунисты посланы на предприятия и заводы. В 14 часов провел митинг на фабрике имени Желябова. Вот и все.

С фабрики еду домой. Там новость. Приехала дочурка Тома и ее мама на отдых в дом отдыха «Петергоф». После шести лет размолвки — мирный обед вместе: Катюша и Шура, мои жены. Первая — мама Тома, вторая подруга и спутник жизни. Неожиданный семейный мир в первый день войны [А. Б-в]¹.

Любуясь красотой Петергофского парка, роскошных дворцов, причудливых золотых фонтанов, невольно хочется сказать:

— Честь и слава вам, нашим отцам и старшим братьям, кровью и жизнью своей завоевавшим нам счастье и радость жизни.

<...>Мы в ресторане. Огромный выбор всевозможных вин, холодных и горячих закусок. Сегодня воскресенье, можно разрешить себе выпить. Раздается звон хрусталя, в красивых бокалах не буржуазный напиток, а предмет широкого массового потребления — русская московская водочка. <...>

— Ну, еще по одной, уж больно жизнь хороша.

Чокнулись. Наступила тишина, и вдруг отчетливый ясный голос диктора возвестил:

¹ А. Б-в — инструктор Василеостровского райкома ВКП (б), помощник военного прокурора Ленинграда.

— Слушайте, слушайте, передается важное правительственное сообщение. В 12 часов 15 минут у микрофона выступит глава Советского правительства В. М. Молотов.

— «Гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз».

Прощайте Митя, Ваня, вас ждут в частях. Явка в первый день мобилизации. <...>

Пулей лечу в райком. В кабинете сидит слегка взволнованный Алексей Михайлович. Он один. Я явился первый и первым получил задание обзвонить все организации, дать указание обсудить на массовых митингах речь Молотова [Н.Б-т]¹.

Для нас с мужем, доцентом филфака ЛГУ Дмитрием Дмитриевичем Михайловым, война началась на несколько часов позднее, чем для всех ленинградцев. <...> В этот день, свободные от занятий, мы поехали в Невский лесопарк, находящийся на правом берегу Невы. Не знаю, что там было раньше. <...> Тогда это был просто лес с едва различимыми остатками давних посадок: кое-где кусты акации, сирени, лиственницы и пр. Все это запустение было крайне поэтично.

Возвращались уже вечером. В трамвае, через несколько минут вижу изменившееся лицо Д. Д. Наклоняясь ко мне — я сидела, — негромко, неузнаваемым голосом произнес: «Война!» Я с каким-то недоумением и легкомысленным недоверием спросила: «С кем?», и сидевшая рядом женщина ответила с укоризной: «Да немцы напали. Проснулась!» Я действительно «проснулась» в страшную действительность, но не сразу осознала ее. Меня поразила какая-то напряженная молчаливость и мрачность пассажиров, хоть и привыкли мы к недоговоренностям.

Да и мы как-то вдруг замолчали, так и дошли молча до маминго дома. В семье моей паники не было. А жаль, потому что па-

¹ Н. Б-т — в 1941 году инструктор одного из райкомов партии.

ника заставила всех жителей броситься за покупками продуктов. Мама — нет, и, конечно, я следовала ее примеру: закупка впрок не была принята в нашем доме, что и погубило нас [Е. В-на]¹.

Война, война, война! И, должно быть, самая страшная из войн, какие переживал когда-либо наш народ, а может быть, и все человечество. Вчера еще радостно и волнующе лились звуки бальной музыки, люди танцевали, пели, веселились, спокойно отдыхали. <...> А сегодня — слезы, страдания, смерть.

С утра была на избирательном участке. Здесь были все наши активистки-домохозяйки. И вдруг это сообщение по радио. Встревоженные лица, ужас в глазах, и среди жуткой тишины неожиданный истошный вопль:

— Ой, сыночки мои дорогие! — Это Белевич, мать четырех взрослых сыновей, заломив руки, выкрикнула навзрыд.

Кое-кто из женщин даже возмутился:

— Как не стыдно впасть в панику! Ведь не только у вас сыновья.

Я позвонила секретарю райсовета Гладилиной. Она сказала, чтобы я закрыла избирательный участок и шла в райсовет.

Когда я шла в райсовет, уже гремели выстрелы зенитных орудий, летали наши самолеты.

Страшные тяжелые дни наступили для нашего народа.

Когда я была у Гладилиной, позвонила зав. районо Ильичева. Вызывала в районо на совещание, которое назначено на три часа ночи. Будут представители от райкома партии. Что нам скажут? [А. Б-н]²

В первый день войны изо всех домов потянулись к мобилизационным пунктам призывники. <...> Ближайший призывной пункт находился на Конюшенной площади в помещении

¹ Е. В-на (1909–2010) — преподаватель филологического факультета ЛГУ.

² А. Б-н — в 1941–1942 годах контролер районного бюро по учету и выдаче продовольственных, хлебных и промтоварных карточек.

клуба Автопарка. Вся площадь заполнена народом, трамвайное движение остановилось. У парадного входа в клуб стоял дежурный, который пропускал призывников при предъявлении ими мобилизационных повесток, решительно отстраняя членов семей, намеревавшихся также пройти в клуб. Через решетчатые ворота было видно, как на внутренний двор автопарка выходили призывники, строились в колонну и уходили в назначенном направлении.

С площади я пошла к магазину, чтобы купить продукты для пропитания семьи. Там увидела нечто невероятное. К магазину нельзя было подойти. У входа стояла большая толпа панически настроенных ленинградцев. Все они, толкаясь, не считаясь ни с чем, рвались вперед, буквально лезли друг на друга, чтобы пробиться в магазин. Многие пришли семьями. Счастливики, всклокоченные и помятые, пробираясь через толпу, несли в руках купленные в большом количестве муку, сахар, крупу и т.п. Подавленная и расстроенная, я ни с чем вернулась домой. <...> [С. Б-а]¹.

В первые дни и недели войны захватчикам сопутствовала удача. Уже к вечеру 22 июня войска наступавшей в Прибалтике немецкой группы армий «Север» смогли продвинуться на разных участках на расстояние от 20 до 70 км от государственной границы. Несмотря на героическое сопротивление отдельных частей и подразделений, войска Красной армии были вынуждены отступить.

Немцы, уступая Красной армии в численности личного состава и вооружении, превосходили обороняющихся в организации боевых действий. Машина вражеского наступления катилась вперед без видимых сбоев. Отчаянные попытки остановить неприятеля успеха не приносили. Красная армия несла тяжелые потери убитыми, ранеными и пленными. Были уничтожены на складах или захвачены врагом оружие и боеприпасы, продовольствие и обмундирование.

¹ С. Б-а — домохозяйка, в годы войны сторож в домоуправлении.

**Из приказа начальника местной противовоздушной обороны г. Ленинграда 27 июня 1941 г.
[Извлечение].**

«В связи с введением в г. Ленинграде угрожаемого положения приказываю:

Всему населению, руководителям предприятий, учреждений и домоуправлений г. Ленинграда точно и своевременно выполнять правила местной противовоздушной обороны.

Для оповещения населения о воздушной тревоге устанавливаю следующие сигналы МПВО...

3. Во всех предприятиях, учреждениях, учебных заведениях, домохозяйствах, общежитиях и местах общественного пользования установить круглосуточное ответственное дежурство по МПВО и дежурство дворников у подъездов ворот и у входов. <...>

5. Специально оборудованные помещения коллективной защиты (убежища) привести в полную готовность для укрытия в них граждан по сигналу «воздушная тревога» и выделить ответственных лиц по наблюдению за состоянием убежищ, их заполнением и соблюдением укрывающимися установленного порядка. <...>

Начальник местной противовоздушной обороны г. Ленинграда полковник Лагуткин».

Ленинградская правда, № 151, 27 июня 1941 г.

**Из приказа начальника гарнизона г. Ленинграда об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в городе 27 июня 1941 г.
[Извлечение].**

«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. об объявлении в г. Ленинграде военного положения, в целях обеспечения в г. Ленинграде общественного порядка и государственной безопасности приказываю:

1. Время работы учреждений и организаций местного и областного значения установить с 8 час 30 мин утра, союзного и республиканского значения — с 9 час утра.

2. Театрам, паркам, кино, клубам и другим зрелищным предприятиям свою работу заканчивать не позднее 22 час 45 мин.

3. Торговым предприятиям (магазины, палатки, рынки и др.), предприятиям общественного питания (рестораны, столовые, кафе и др.) и предприятиям коммунального обслуживания (бани, прачечные, парикмахерские и др.) заканчивать свою работу в 22 час 45 мин. <...>

6. Воспретить движение по г. Ленинграду легкового транспорта и пешеходов с 24 час до 4 час 00 мин за исключением имеющих специальные пропуска. <...>

7. За невыполнение настоящего приказа виновные подлежат наказанию по законам военного времени. <...> Настоящий приказ ввести в действие с 24 час 00 мин 29 июня 1941 г.

Начальник гарнизона г. Ленинграда генерал-лейтенант Попов».

Ленинградская правда, № 152, 28 июня 1941 г.

Из решения Ленгорисполкома о привлечении граждан Ленинграда, Пушкина, Колпина, Петергофа и Кронштадта к трудовой повинности 27 июня 1941 г.

«В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и на основании указания военных властей исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает:

Привлечь с 29 июня 1941 г. граждан Ленинграда, Пушкина, Колпина, Петергофа и Кронштадта к трудовой повинности для выполнения оборонных работ.

К трудовой повинности привлечь всех трудоспособных граждан обоего пола в возрасте от 16 до 50 лет для мужчин и от 16 до 45 лет для женщин, за исключением рабочих, работающих на предприятиях оборонной промышленности. <...>

В соответствии со статьей 13 кодекса законов о труде от привлечения к трудовой повинности освободить:

а) лиц, вследствие болезни или увечья временно утративших трудоспособность, на срок, необходимый для ее восстановления;

б) беременных женщина на период времени за 8 недель до родов или матерей в течение 8 недель после родов;

в) женщин, кормящих грудью;

г) инвалидов труда и войны;

д) женщин, имеющих детей до 8-летнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними. <...>

Граждане, привлекаемые к трудовой повинности, обязаны немедленно и безоговорочно выполнять возлагаемые на них обязанности.

Установить следующую продолжительность работы в порядке трудовой повинности:

а) неработающих трудоспособных граждан обоего пола — 8 часов в сутки;

б) служащих и рабочих — 3 часа в сутки после работы;

в) учащихся функционирующих учебных заведений — 3 часа в сутки после учебы.

Установить продолжительность непрерывной работы граждан, привлекаемых к трудовой повинности, не более 7 дней, с перерывом после этого не менее 4 дней. <...>

7. Граждан, уклоняющихся от выполнения работ в порядке трудовой повинности, подвергать, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», лишению свободы в административном порядке сроком до 6 месяцев или штрафа до 3000 руб.

*Председатель исполнительного комитета
Ленинградского городского*

Совета депутатов трудящихся: Попков

*Секретарь исполнительного комитета Ленинградского
городского Совета депутатов трудящихся: Пономарев».*

30 июня 1941 года

Война представляется мне чем-то ужасным — громадным чудовищем, как будто надвигающимся на нас с каждым днем все ближе и ближе. От родных писем нет. Это страшно беспокоит. Живут они почти на границе, только Латвию перейти.

Тяжесть одиночества усиливают пустые места за станками ушедших на фронт людей.

Я верю в нашу победу. Мне противны шептуны, которые пугают наступлением врага, хочется повторять всем и всегда: мы выдержим, мы не сдадимся. Делается отраднo на душе от того, что люди объединяются в своих мыслях и желаниях. Все готовы идти на фронт, кругом только и слышишь: когда же придет моя очередь...

Получила письмо из дома. Володю послали на рытье окопов. Рая сутками дежурит на телеграфе, мама дома остается одна. Немцы бомбят железнодорожную станцию. С самолетов сбрасывают листовки [Н. О-ва]¹.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. <...>

Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. <...>

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. <...>

Враг жесток и неутомим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной

¹ Н. О-ва — в 1941–1943 годах плановик завода им. Молотова.

государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. <...> Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. <...>

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь Советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. <...>

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться. <...>

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего совет-

ского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании господина Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. <...>

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

Из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года

7 июля 1941 года

Семнадцатый день от начала войны. Знойный день сменился прохладным вечером. Перрон Московского вокзала. Взволнованные лица, слезы, крики детей. Последний пронзительный гудок паровоза. Крепко сжимаю в своих объятиях моих родных любимых детей, жену и выбегаю из вагона. Поезд ускоряет свой ход, унося в далекую Сибирь самых

близких моему сердцу людей. Надолго ли? Когда встретимся? И будет ли эта встреча?

Поезд скрылся вдаль. Перрон пустеет, и его пустота пронизывает меня всего. Слезы подступают к горлу. Тяжело! Тоска! Свыкнусь ли с новой обстановкой?

Распространились слухи, что Вологду немцы бомбардируют. Не верится, но в настоящей войне все возможно. Сердце тревожно бьется. Стараюсь себя успокоить и верить в благополучный исход путешествия. Трудности дороги очевидны, но они должны быть преодолены.

Как-то около шести утра в Райздравотделе раздался звонок телефона. К этим телефонным звонкам в течение круглых суток привык. Такое время. Неохотно снимаю трубку и не верю, вызывает Новосибирск. На глазах — слезы. Слышу голос жены и дочурки. Небывалая радость. Мои милые голоса. Долго после разговора не могу успокоиться [И. Н-в]¹.

9 и 10 июля немцы заняли Остров и Псков, тем самым преодолев так называемый Псковско-Островский укрепрайон, сооруженный на государственной границе СССР до 1939 года. Перед ними открывалась перспектива успешного наступления на Ленинград вдоль шоссе Псков — Луга — Ленинград. Согласно планам немецкого командования, город надлежало захватить в конце июля.

Для обороны Ленинграда на дальних подступах силами инженерных войск Северного (Ленинградского) фронта при участии тысяч ленинградцев, главным образом девушек и женщин, был возведен Лужский оборонительный рубеж. Он представлял собой полосу укреплений общей протяженностью в 276 км от Финского залива до озера Ильмень. Командование фронта и Ставка рассчитывали остановить продвижение противника к Ленинграду.

Немцы, наткнувшись на серьезное сопротивление в районе города Луга, перегруппировались в направлении устья реки

¹ И. Н-в — в годы блокады главврач 23-й поликлиники, заведующий райздравотделом исполкома Кировского райсовета, заведующий отделом внебольничной помощи горздравотдела.

Луга, где в районе города Кингисеппа захватили два плацдарма на правом берегу реки у населенных пунктов Ивановское и Сабек. И все же противник счел за благо 19 июля приостановить наступление своих войск до подхода основных сил.

Решение исполкома Ленгорсовета о введении карточной системы продажи продовольственных и промышленных товаров 17 июля 1941 г.

[Извлечение].

«В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР ввести с 18 июля 1941 г. в городах Ленинграде, Колпино, Кронштадте, Пушкине и Петергофе продажу по карточкам некоторых продовольственных и промышленных товаров. <...>

Обязать председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся:

а) обеспечить раздачу карточек трудящимся не позднее 17 июля;

б) разъяснить трудящимся значение карточной системы для организации бесперебойного снабжения населения г. Ленинграда, а также порядок получения и пользования продовольственными и промтоварными карточками.

Обязать начальника Управления продторгами т. Коновалова, начальника Управления промторгами т. Боровик, заместителя директора Ленглавгастронома т. Волкова и руководителей других торгующих организаций г. Ленинграда обеспечить бесперебойный и своевременный отпуск продовольственных и промышленных товаров по карточкам».

12 июля 1941 года

Молодежь проводили на фронт. Уходят все, если у кого-то нет повестки, бегут в военкомат, просят поскорее призвать. Поступила на курсы медсестер. Писем из дома нет. Наверное захватили нашу местность. Может быть, успели эвакуироваться? Нет, мои не уйдут из родных мест. Неужели они в плену? Только бы брата не убили на окопах. Страшно за них [Н. О-ва].

«МАМА ВСТАЛА НА ПУТЯХ...»

Из воспоминаний С. В. Магаевой

Вскоре после начала войны, вероятно, по какому-то недоразумению, младших школьников и подростков решили вывезти в летние лагеря под Ленинград. Так мы оказались в деревне Середа, под Валдаем. Мама была единственной взрослой в бестолковой ватаге школяров разного возраста. Нас никто не ждал, и жилось нам трудно. Приближался грохот канонады, но возвращаться домой было не велено, ждали какого-то приказа. В спешке, побросав свои пожитки, мы прибежали на станцию Валдай и столпились на платформе в своих жалких панамках и сандаликах.

Семафор был поднят в ожидании воинского эшелона. Начальник станции сказал, что поезд пойдет мимо, и добавил, что больше поездов не ждет. Нараставшая канонада подтверждала его слова. Мы оцепенели от ужаса. Скоро вдали показался паровозный дымок. Поезд приближался к станции. Должно быть, машинист снизил скорость, но нам казалось, что поезд мчится на всех парах. Мы беспомощно жались друг к другу и ждали, что будет.

Случилось непредвиденное. Мама спрыгнула с платформы и встала на путях. Кто-то из старших ребят встал с ней. Они стояли, раскинув руки. Это продолжалось несколько секунд, показавшихся вечностью. Я вырвалась из чьих-то рук, стремясь к маме. Паровоз надсадно гудел и уже поравнялся с платформой. Это было страшно. Машинист, высунувшись из окна, что-то кричал и отчаянно размахивал руками. Наконец нервы его не выдержали, и он затормозил. Вагоны медленно ползли мимо нас, военные вскакивали на платформу, хватали кого попало в охапку и бросали в открытые вагонные окна и двери. С разбитыми в кровь коленками я тоже оказалась в вагоне. Мне было больно, но я сжалась в комок, думая, что мама не успела соскочить с рельсов и попала под колеса. К счастью, это было не так.

Чьи-то руки втащили маму и ее помощника в последний вагон. Военные освободили места для нас, и мы снова оказались вместе. Потерь не было, не считая разбитых носов и коленок. Бойцы кормили нас консервами и угощали сладким кипятком. Мама стояла в тамбуре с начальником эшелона. Поезд летел на всех парах. Грохотали разры-

вы снарядов, но прямых попаданий не было. Гром орудий становился тише. Мы приближались к Ленинграду.

Не знаю, рассказала ли мама кому-нибудь о своем подвиге. Наверное, нет. Скорей всего, она и не считала это подвигом. В осажденном городе подвиги стали нормой жизни.

Какое-то время мама занималась подготовкой школьников к эвакуации. К школе подходили машины, и мама сопровождала детей до железной дороги и возвращалась обратно. Это было небезопасно. Вывозить детей приходилось под бомбами и снарядами. Удалось эвакуировать многих детей. Мы с мамой остались дома, наверное, потому, что верили в быстрый победный исход войны, а может быть, маме и не положено было уезжать, не знаю¹.

20 июля 1941 года

Работаем дни и ночи без сна. Порой кружится голова от усталости. В помещении первой образцовой школы района работает районный эвакупункт. Я оформляю документы эвакуируемых и выдаю талоны на хлеб и продукты. Шумно. У моего стола огромная очередь. Матери с детишками все идут и идут. Разорены семейные очаги, весь налаженный устоявшийся быт!

Эвакуация детей. <...> Ничего более тяжелого и жуткого не видела до сих пор — разве только голодных детишек раскулаченных семей, отправляемых из Башкирии в Сибирь. <...>

По всему Ленинграду мчатся автобусы к вокзалам. Их много, так много, что на улицах задерживается движение остального транспорта и пешеходов. В автобусах матери с детишками. Эвакуируют детей без матерей. На вокзалах у вагонов — слезы, вопли, истерики. Воспитатели бережно берут из рук матерей ревущих детишек. Есть и полторагодовалые. Из окон вагонов машут ручонками школьники. Мама, мамочка! Этот вопль все время стоит в ушах.

Думаешь, — а все ли доедут до места назначения? Ведь железнодорожные узлы бомбят. Все ли матери дождутся своих детей? Ведь в смутные военные годы все может случиться. Многие матери могут потерять следы своих детей — на всю жизнь... <...> [А. Б-н].

¹ Е. Марттила. С. Магаева. Мученики ленинградской блокады. М., 2007.

«ДЕТИ НЕ ПОСТРАДАЛИ»

Странички из дневника Г. К-вой

<...> Мне приказали ехать с ребятами в эвакуацию. Еду. При отправке никакого порядка. Родители с мешками запрудили коридоры. Прут. Бранятся. Да, трудно будет с такими людьми.

Наконец в поезде. <...> На моем попечении 75 мальчишек. Едят все подряд, что приготовили заботливые родители. Одни кур и шоколад. Другие пьют лимонад, жуют печенье вперемежку с хлебом и яйцами.

В пункт назначения на станцию Замостье прибыли без приключений.

Июль. Жара. Живем неплохо. Некоторые ребята прихварывают — объелись. Оказывается, крутые яйца перевариваются 36 часов, а иногда и просто загнивают в желудке. <...>

Хорошо здесь купанье, речушка маленькая и холодная. По ночам соловьи поют. А земляника особенная. Такой я не ела с детских лет. Но на сердце неспокойно.

Встаю раньше всех, перед семью часами. Обегая корпуса и бужу своих подопечных. Ложусь после 12. Перед сном осматриваю комнаты, все ли на месте, и только тогда ложусь. Сплю, как всегда, крепко.

Однажды ночью вдруг слышу — кричат. Где, что — сразу понять не могу. Потом начинаю различать, что кто-то под окном зовет меня — кричит, воет, завывает. Душа ушла в пятки. Кубарем лечу с лестницы. И вот что нахожу. Одна из моих воспитательниц тащит на руках своего сына Виктора и причитает. Он в забытьи, начинаются судороги.

Внесли ребенка в дом. Положили на стол и принялись растирать. А он сжал зубы, и глаза закатились. Мать причитает над ним: «Витенька, открой глазки!»

Позвонила шефам в расположенный по соседству леспромхоз, разбудила директора. Пообещал прислать подводу. Ждем. Продолжаю растирать тельце ребенка. Рядом мать кричит, как настоящая сумасшедшая. Пришлось даже прикрикнуть: «Тише вы!»

Наконец прибыла подвода. Мать с Виктором уехала в больницу. Врачи сделали все что нужно и спасли мальчишку от смерти. Немного успокоившись, стала разбираться в происшедшем. Оказалось, колхозники подпоили мальчика, что едва не закончилось для него трагически.

Выехали из Замостья 30 июля ровно через месяц после приезда. Волновались с утра — наконец-то подали подводы. Отправили вещи. Потом без конца звонила по телефону — нет подвод. Дальше — как в кино: топот копыт, верховой на взмыленной лошади. Несемся пешком в Шереховичи. Кое-как уселись на приготовленные подводы, ехали, шли, настоящий кочевой табор. Добрались до станции. Разместились в двух вагонах. Нас подцепили в товарному поезду, и мы поехали. На следующей станции к нашему составу присоединили еще один пассажирский с детьми. Всего получилось 45 вагонов. Поезд растянулся чуть ли не на километр.

Забавно ехали, но, в общем, было так: ночью продвигаемся вперед, а утром мчимся обратно. Куда бы мы ни сунули нос — везде нам по носу. Мы никак не могли доехать до главной линии, т.е. до станции Акуловка. Днем прятались: то поезд отведут в тупик, то остановят на путях, а ребят выводим в лес или еще куда-нибудь в место, где они якобы укрывались. В небе все время было неблагоприятно. Густых лесов не попадалось. Ребят было много, и прятались мы весьма.bestолково.

Ночи, как на грех, стояли лунные, белые крыши наших вагонов — хорошая цель. Пропутешествовав таким образом четыре дня, мы провались к Акуловке. Теперь уже один вопрос пронизывал все мозги, проехать в Малую Вишеру.

Боже мой, что представляла собой Николаевская дорога! Пути только что восстановлены — и не в первый, как видно, раз. Все постройки вдоль железнодорожных путей без стекол или разрушены. На обочине сплошь воронки, обгоревшие части вагонов, колеса, какой-то хлам. На наше счастье, ребята и мы, сопровождающие их взрослые, ни разу не подверглись варварской воздушной атаке и могли наблюдать только ее последствия.

Было чудесное раннее утро. Сияло солнце. На синем небе плавали белоснежные облака. Мы сидели у приоткрытой двери нашей теплушки и беседовали, кажется, о случайности и неизбежности и приводили примеры из жизни, подтверждающие, что случайность часть неизбежности. Поезд шел неплохо, но до Малой Вишеры было еще далеко.

И когда мы миновали 172 километр, раздалось гудение. Поезд остановился. С отвратительным воем самолет с крестами на крыльях стал стремительно приближаться к земле. Прогремели несколько взрывов. Пули и осколки осыпали крыши и стены вагонов. Все это продолжалось

всего несколько секунд. И вновь воцарилась тишина. Пробежал по вагонам кто-то из начальников. Поезд двинулся с места. Стало страшно от мысли, что кто-то из детей мог быть изуродован и даже погиб. Но мы, как оказалось, дешево отделались, дети не пострадали, лишь несколько взрослых получили легкие ранения от вылетевших стекол. Вскоре мы проехали Малую Вишеру.

Дальше ехали с трепетом, но приключений уже не было. За Чудовым уже почувствовали себя под защитой Ленинграда. Дома, почти дома.

Довезли ребят до 16-й линии и вывели в садик на углу у райсовета, чтобы отсюда развезти по домам. И вот подходит ко мне накрашенная тетка и говорит, явно провоцируя, а может быть, так, по глупости:

— Бедные детки совсем вас замучили, несчастные вы.

Реагирую на странный и неожиданный выпад сравнительно спокойно:

— Гражданка, уходите.

Но гражданка не унимается и продолжает:

— Да, уходите, сама отдохнула, вот какая упитанная, а детишек всех заморила, замучила.

Меня это окончательно вывело из себя, но я все-таки сравнительно спокойно ей говорю:

— Идите, умойтесь, потом приходите со мной разговаривать!

Тут она как начала. <...> К счастью, подошел мужчина, довольно приличный на вид, и попросил ее отстать.

Развели ребят. Гора с плеч. Бегу домой. Помыться, чай пить со вкусом. Что за диво! Свет горит. Можно сидеть на кушетке, валяться в кровати, умыться по-настоящему. Сколько удобств. Тревога? Это не страшно, это не нас только, тут мы не единственная цель. Очень приятно оказаться дома.

6 августа 1941 года

Из цеха бегут «работнички», боящиеся, что в Ленинград придет немец. Ничего у него не выйдет, не пустим! Мне этот город с каждым днем становится более родным. Эти улицы, площади, эти высокие дома останутся нашими, и мы никогда не отдадим их врагу. Пусть другие уезжают, я остаюсь. Страшно, но не поеду. Буду здесь. Мне некуда ехать. В цехе пусто, куда я поеду.

Со мной работала К., она уезжает вместе с родными в Сибирь. Пришла работать в начале войны, и теперь уезжает, а могла бы потрудиться здесь, здоровая девица. Кому нужно с кучей детей, тому места нет, а для нее, видно, нашлось.

Предложили поработать на оборонных. Что ж, поработаем, поможем Родине. Учусь на курсах, ходим на практику. Страшно хочется что-то делать существенное, чтобы было видно. В цехе все привычное надоело, вот хорошо рыть противотанковые рвы и учиться. Сидеть в цехе больше не могу, за работу то, что было до войны, не считаю. Неверно это, конечно, но хочется, чтобы и мое было в том, что делается кругом [Н. О-ва].

8–12 августа возобновилось немецкое наступление с плацдармов в нижнем течении Луги в направлении Красногвардейска (Гатчины) и у Шимска в сторону Новгорода. Сопrotивление советских войск возрастало. Однако оно все еще оставалось недостаточным для того, чтобы остановить врага.

Рубеж западнее озера Ильмень с 10 августа обороняли войска 48-й армии. 16 августа противник прорвал оборону и захватил западную часть Новгорода.

«ВЕРНУСЬ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ...»

Странички из дневника Н.А. Б-та

Задача интересная — отправить два вагона «спецназначения» в Удмуртскую АССР с группой семей ответственных работников райкома. Срок выезда 16 августа. Возвращение?! Ну как отказать. Отказать А. М. Григорьеву — это невозможно, я его безумно уважаю. Но ради чего я поеду, отправлять мне некого, эвакуироваться самому это преступление. Немцы наступают, обратный путь может быть закрыт. Но я оставляю здесь свою любовь, свою родную Зинульку. Опять разлука, и может быть, навсегда. Положение отчаянное. Но я дал слово другу, гатчинскому парню, секретарю райкома Григорьеву. Я сам гатчинец. Эти ребята не подводят. Еду. <...>

Все поставлены на ноги. Отцы укладывают последние вещи, снаряжают в дорогу своих жен и детей. Заняты по горло, и я ношусь как угорелый. Оборудую вагоны. Установил бак для питьевой воды.

Запасаю продукты и лимонад для детей. Взял с собою топоры, гвозди, молоток, веревки, все может пригодиться.

До отъезда два часа, у меня ничего не готово. Звоню директору, прошу дать увольнительную Зинаиде. Пришла, плачет, разводит сырость, а время идет. Позвал на помощь бабку соседку. Явилась и тоже ревет. Вот помощники. Сели, выпили по рюмке портвейна и отправились на вокзал. <...> Все прощаются, и слезы градом льются по лицам. «Ты приедешь?» — спросила Зина. Крепко поцеловав, я ответил да.

Подошел Алексей Михайлович. Он сильно взволнован, крепко по-мужски пожал руку.

— Вернешься?

— Хоть мертвым, но буду здесь. Не снимайте с партучета. Хочу и буду членом Ленинградской партийной организации...

Вскочил в вагон тронувшегося состава <...>.

Сотни вопросов. Как доедем? Не опасен ли наш путь? и т.д. Часам к 11 уgomонились, усталые ребятишки спят. Так как до Тихвина дорога может быть беспокойная, решил, спать не буду. <...>

Станция Яр, Удмуртская АССР. Выгружаемся из вагонов. Проливной дождь. Бедные ребята, спрятать их некуда, вокзал переполнен, придется им до утра оставаться под открытым небом.

Находим вблизи вокзала подходящую лужайку, развожу костер. Уставшие и измученные дети и матери усаживаются поближе к огню.

Чуть свет иду в Ярский райком партии. Скоро получив аудиенцию, беседу с секретарем РК. Хороший дядька, сразу оценил мой «груз» и принял меры по размещению семей. Короткий разговор по телефону, и восемнадцать подвод из деревни Нижняя Сада направляются к станции. Ждать их придется долго, до деревни 18 километров.

Крепко поблагодарив и пообещав зайти, я поспешил вернуться на лужайку, где у костра сидели промокшие до костей ребята и родители. Рассказал обо всем: питании, жилище, предоставлении транспорта и т.д. Радостные улыбки засияли на лицах моих подопечных. Теперь и дождь показался совсем другим. <...>

Вернулся в райком, В кабинете секретаря сидел председатель исполкома, зав. отд. пропаганды и агитации. Начались расспросы. Полтора часа длилась беседа о Ленинграде, наступлении врага, угрозе, нависшей над Родиной. Попросили провести беседы с активом и колхозниками. <...>

Проглянуло солнце. Подводы нагружены, самими колхозниками с особой любовью были посажены самые маленькие путешественники.

Весь день прошел в хлопотах по размещению. Председатель бучуновского сельсовета лично приехал для разрешения всех вопросов эвакуированных. <...>

Меня из дому так не провожали, как провожают домой. До отказа набили мешок. В нем масло, куры, хлеб, огурцы. Вся деревня пожелала доброго пути. <...>

Накануне первый секретарь райкома предложил мне остаться работать в районе. Поблагодарив за доверие, я отказался. Мне нужно вернуться в Ленинград и дать отчет о поездке. <...> Попросил обеспечить питанием, присмотреть за ленинградцами, дать им возможность освоится, а затем обеспечить работой. <...>

<...> Навьючен, как верблюд, чемодан, мешок и битком набитая полевая сумка. Поезд пришел. В накуренном купе — тяжелый воздух, жарко, пять краснофлотцев шумливо беседуют. Раненые возвращаются после госпиталя на любимую Балтику. Говорят, где и какие ранения получили, упоминают Кингисепп. Не удержался, вступил в разговор. <...>

Мешок с продуктами худеет день ото дня. Наша команда из шести человек на аппетит не жалуется. <...> На больших станциях краснофлотцы получают по аттестатам паек, а я не имею на это права. Все делим поровну и все сыты.

Вологда. Поезд стоит пять часов. Пошли в город. В эвакокомиссии раздобыл пять талонов на обед. Один обед несем дежурному по купе. Вымылись, причесались. Вернувшись к вагону, узнали, что поезд дальше не пойдет и будет переоборудован в санитарный. <...>

Предлагаю выход из положения: познакомиться с санитарками и медсестрами и ехать в их поезде. Идея понравилась и была принята к исполнению. Быстро «накапав» на мозги санитаркам и медсестрам, с их разрешения удачно «приземляемся» в одном из вагонов и вскоре отправляемся в дальнейший путь на Ленинград. <...>

Настроение поганое. Поезд движется со скоростью черепахи. Продукты кончились, положение иждивенческое. Хоть попутчики об этом не говорят, чувствую себя неудобно. Прибыли в Череповец. <...> В железнодорожной столовой после разговора с директором получаю шесть талонов на обед. Путучики похвалили:

— Браток силен, умеет оформлять дела.

Наелись досыта. Комбинируем насчет выпивки. С мира по нитке собрали бедному на крепкие напитки. Музыкальное оформление состоялось. <...>

Проезжаем Ефимовскую. Путь между Череповцом и Ефимовской изрядно поврежден. Под откосом валяются паровоз, отдельно от тендера, и товарные вагоны.

Поезд идет очень тихо. На опушке леса у железнодорожного полотна огромные воронки от взрыва фугасных бомб. Будка путевого обходчика разбита. Поезд остановился, и мы вместе с железнодорожниками пошли осматривать место происшествия. Левая угловая комната, на стене висит гитара, в углу труп мальчика. Череп разбит, виден мозг, похожий на клубок свернувшихся змей. <...>

— Это произошло вчера, — рассказывает местный житель, — дальше по ходу поезда вы увидите сбитый вражеский самолет. Пилот бомбил проходящий состав, но никак не мог попасть, бомбы взрывались слева и справа от полотна. Тогда он снизился и бросил бомбу на путь перед составом. Взрыв оказался настолько мощный, что самолет подбросило, как щепку, и он рухнул на землю. Заслуженное наказание.

Тихвин. Поезд стоит минуты. С почты звоню в райком, исполком. Подходят незнакомые люди, прошу передать привет. <...>

Голодны как шакалы, кишка кишке кукиш кажет. Чтобы не впасть в уныние, запел: «Раскинулось море широко...» Товарищи дружно поддерживали меня, и наша песня прогремела на весь вагон.

У заглянувшей к нам молодой санитарки Шуры стрельнули хлебца. Принесла 300 г. Что нам 300 г — проглотили и не почувствовали.

Волховстрой. Поезд почему-то пошел к станции Мурманские ворота. Поблагодарив за все, вышли. На перроне народу тьма-тьмущая. Поезда на Ленинград не ходят, в первый Волховстрой не пускают. Свежо, одежонка летняя, внизу трусы, сплошной сквозняк. Ночью подходит поезд со стороны Мурманска. Местные жители почему-то называли его «трамвай». Этот «трамвай» курсирует между Мурманскими воротами и Волховстроем. Единственное средство сообщения. Зайцами едем до Волховстроя. Вокзал переполнен, правая сторона — штатская, левая — военная. Лежим на полу, хочется спать, но не уснуть, изрядно голодны.

Раздается пронзительный вой сирены, охрана предложила немедленно покинуть здание и скрыться в бомбоубежище.

Это сооружение легкого типа, возведенное в садике возле вокзала, нельзя назвать бомбоубежищем. Решили встать у дерева и наблюдать за происходящим. <...>

Поиск денег и питания начали с раннего утра. Краснофлотцы пошли в Военкомат. Я в горком партии.

На берегу прекрасной многоводной реки Волхов за электростанцией небольшой деревянном дом, у парадного дежурный. Проверив тщательно документы, дежурный сообщил, что секретарь будет через час. <...>

Секретарь горкома товарищ Никитин — сравнительно молод, располагающая улыбка, открытый взгляд, он сразу пленил меня. Казалось, что мы давно с ним знакомы. Рассказал ему о своих приключениях. Он посмотрел и заключил:

— Видок у тебя бледный.

Позвал секретаршу и велел накормить. Ну, думаю, помолочу. А секретарша принесла 200 г хлеба, стакан молока и на этом ограничилась. Нужно было бы повторить и сделать один-два захода, но, видно, в гостях не своя воля.

Секретарь райкома велел написать заявление на получение денег. Выдали 150 рублей.

— Ну а теперь собирайся в обратный путь в глубь страны, в Ленинград дорога закрыта. Пела, Назия и Мга заняты немцами, — спокойно сообщил он.

— Я — ленинградец и должен быть там живым или мертвым.

— В таком случае есть один путь. Садись на пароход, доедешь по Волхову, затем по Неве прямо до пристани у Исаакиевского собора.

— А много проезжают по этому пути?

— Не многие, много гибнет.

— Этот путь не для меня, погибнуть дело невеликое, живым вернуться — это цель.

— Сегодня пробуем пропустить бронепоезд, а следом товарный, вот с ним и поезжай.

Пулей лечу на станцию к военному коменданту. Есть записочка на обед и разрешение на выезд. Пообедал прилично. Паровоз и четыре вагона пойдут вечером.

Встретил моих попутчиков-краснофлотцев. Получили паек и предложение остаться, но они отказались, поедем в свою часть — заявили они.

Все съели, а есть хочется. Отправились на промысел. Не доходя до военкомата в стороне от набережной — небольшой домик. Вошли. Хозяйка выслушала и говорит:

— Мы эвакуируемся, многие уже давно уехали, идите в огород, накопайте картофеля, свеклы и моркови и варите. Вот вам котел, дрова есть. Не оставлять же немцам, лучше самим съесть.

Поработали на славу. Картошки целое ведро. Хозяйка дала соли, кусочек хлеба. С хлебом тут плохо, муки много, а пекарни нет, печь нигде. Наелись досыта, живот пучит.

Мои попутчики не хотят расставаться со мной, едем вместе. Проезжаем одну станцию, выходит начальник, вручает жезл, едем дальше, порядок. Вдруг. Стой! Не доезжая станции Жихарево обстрел, ложимся на пол. Поезд задним ходом возвращается к станции Волховстрой. Военный комендант смеется:

— С приездом поздравляю.

Тут не до смеха, были близко от родного города, а в город не попасть. Опять отправились спать на вокзал.

Обидно, буквально тысячи военных бродят в Волховстрое — вооружены и сыты. Все они из уст в уста передают о том, что в Мге высадился большой десант автоматчиков, что нет силы, способной его уничтожить. Трусы, паникеры, десант человек 400, а тысячи о нем говорят. Дать бы сюда рабочих Кировского завода, они бы дали жизни гадам, показали, как нужно бить врага. <...>

Снова в кабинете секретаря горкома:

— Товарищ Никитин, решил идти пешком, посоветуйте, как лучше пройти... Обстановка обостряется, и все пути могут быть отрезаны.

— Идите, но путь может быть тяжелым. До Ленинграда 155 км. Идти нужно так: до села Путилова, затем вниз на Канаву, по канаве до Шлиссельбурга. — Попрощались.

С моим планом краснофлотцы не согласились. Иду один. Вечереет. Предстоит далекий путь.

Ребята не отпускают. Жалко. Нельзя терять время. Пожали руки, и крупная слеза скатилась по моей щеке. Не знаю, то ли от обиды

и боли расставания, то ли от неопределенности перспективы возвращения в Ленинград, к дорогим друзьям и товарищам.

Неукротимое желание вернуться, только оно сопровождало меня всю дорогу. <...>

Сколько прошел километров, не знаю, устал чертовски. Уже стемнело. Безлюдно, только изредка проходят патрули.

Ночевал под открытым небом, трава влажная, холодно и ужасно хотелось есть.

Прошел деревню, Она совершенно пуста, окна открыты, двери настежь.

Где же наша армия, уж не заблудился ли я?

На грядке нашел морковку, она не красная, а черная, огурец дряблый. Соли нет, хлеба нет.

Впереди большое село. Путилово. Справа белая церковь. Едва иду. Рассказывали, что до Путилова 67 км. Как же идти дальше? Не выдержи?!

Спать на земле нельзя — иней, начались легкие заморозки.

Хочу пить. Теперь моя дорога пойдет лесом до Канавы.

— Стой! Куда?

— В Ленинград, — ответил я подошедшему ко мне красноармейцу в летней пилотке. Проверив документы, патрульный, улыбнувшись, заметил:

— В Ленинград едва ли пройдешь, смотри не сбейся с пути, а то попадешь в гости к немцам.

Спасибо, дал закурить.

Покурил, напился воды, как будто легче стало. Двинулся в поход. Иду по краю проселочной дороги. Кто-то шевелится в лесу. <...>

Впереди какой-то шум. Холодный пот выступил. Что делать? Идти или подождать. Ждать хуже, могут подумать, что испугался.

— Товарищ, нет ли спичек? — спросил чей-то голос.

— Нет. А вы кто такой?

— Колхозники мы из деревни. Деревню бомбят, вот мы и живем в лесу, вырыли себе землянки, здесь и находимся.

— Нет ли чего-нибудь поесть?

Холодная картошка, печеная, горелая, сплошной уголь, с голодухи показалась вкусной, ем да расспрашиваю: как пройти? Скоро ли Шлис-

сельбург? и т.д. Бедные ребята, старики, прогнали их с насиженных мест.

Пользуясь присутствием людей, проспал спокойно три часа.

Весь день и вечер в дороге. Вдали виднелся большой населенный пункт.

Ночь. Вот пристань. Меня ведут мимо нее в милицию. Тут свои порядки, мало иметь документы, надо еще иметь отметку местной милиции. <...>

Силы на исходе. Иду по улице, не пьян, а шатаюсь из стороны в сторону. Прилег отдохнуть на скамейку у пристани. Резкий свисток. К пристани подошел небольшой пароход, какие ходили по Неве. На берег вышел военврач, в белом халате. За ним вынесли на носилках двенадцать тяжелораненых молодцов. Стоны, крепкая ругань, лужи крови.

Война. <...> Вчера, рассказал дежурный по пристани, немцы потопили баржу с эвакуированными: детьми, женщинами, стариками. Вот это был кошмар.

Едва прибывший катер пришвартовался к пристани, завывла сирена, предупреждающая об авианалете. <...>

Иду на вокзал станции Шлиссельбург. Пикирующие бомбардировщики бомбят Дубровку. Тут войска, мирные жители. <...>

7 часов вечера. Стервятники на бреющем полете строчат из пулеметов, лежу в кустах, слышу неприятный свист пуль. Неужели мне суждено здесь погибнуть? Не выполнить слово, данное при прощании?

Алексей Михайлович! Зина! Я рядом с вами, горю желанием быть вместе с нашим тесно спаянным коллективом. Я дал вам слово, слово товарища, большевика, и во что бы то ни стало его выполню.

10 часов. Отбой воздушной тревоги.

Поезд мчится в Ленинград. Не верю, пока не окажусь на перроне Финляндского вокзала, я не ленинградец. Мельничный ручей, Пискаревка, Ленинград. Любимый, моя гордость, каким ты стал для меня дорогим и близким. Вновь я твой, только уставший и слабый, с непослушными ногами.

Телефонная будка. Автомат. Не могу воспользоваться — нет денег. Звоню из кабинета дежурного:

— Кто у телефона?

— Б. К-ва.

— Тоня, говорит Н. Б-т.

— Кто? Н. Б-т? — товарищ, не говорите глупости, Н. Б-та нет, он пропал без вести.

— Как пропал? Да я у телефона, Тоня. — Но она уже повесила трубку.

Звоню снова:

— Тоня, дайте мне к телефону Алексея Михайловича. — Буркнув в трубку что-то невнятное, она переключила телефон.

— Да, я слушаю, — он слушает, а у меня спазмы сжимают горло, и чуть слышно говорю:

— Алексей Михайлович! Н. Б-т говорит.

— Орел! Приехал, жив? Иду встречать. Где ты?

— Жду вас у памятника Владимиру Ильичу!

Райкомовская голубая машина ЗИС-101 шла за мной. Я еще не видел машины, но гудок не обманывал. <...>

11 часов 30 мин. Десять венских булок, полватрушки съел сразу, а затем до трех часов с огромным вниманием все собравшиеся слушали мой рассказ. Шофер принес чемодан, и я погрузился в сладкий крепкий богатырский сон.

16 августа 1941 года

Сегодня, пользуясь дневным дежурством и свободным временем во время дежурства, вернулась к своему дневнику, начатому мною еще до войны, с благим намерением вести его регулярно. Но это оказалось не так просто. Столько было хлопотливых дел каждый день.

Уже подходит к концу второй месяц войны с фашистской Германией. Обстановка очень серьезная: враг оказался сильнее и коварнее, чем многие предполагали. Сообщения о сдаче Смоленска, Первомайска и Кировограда привели всех в большое уныние. Так тяжело слышать и узнавать, что наши советские города и села захватывают фашисты. Враг стремится к жизненно важным центрам Светского Союза и хочет, видимо, захватить Донбасс и Кривой Рог — пролетарский центр, — это не то, что Эстония и Литва. Здесь гитлеровцы должны встретить самоотверженную борьбу рабочих.

Что с Киевом? Никто не знает. Почему фашисты продолжают захватывать наши советские земли? Вот вопрос, который волнует всех. Однажды мне даже инструктор нашего райкома ВКП (б) Пономарева сказала, что она ночи не спит и все думает: «Почему немецкие рабочие сражаются против Советского Союза?»

Все ждем перелома на фронте. Должна же наконец Красная Армия остановить наступление фашистов! Так хочется чем-нибудь помочь фронту, чтобы скорее добиться победы или хотя бы улучшения положения на фронте.

Вчера закончила статью «Крепкий тыл — залог победы фронта» и сдала ее в «Радио-газету». Печатная и устная пропаганда и агитация — вот та работа, которую несут сейчас научные сотрудники Института истории ВКП (б), которая может принести морально-политическую помощь фронту.

Четверо наших сотрудников работают на строительстве оборонных укреплений. <...>

С 14 августа началась принудительная эвакуация детей и матерей из Ленинграда. Нашему институту дали срок на эвакуацию на 19-е число. Сегодня мы просили районную эвакуационную комиссию, чтобы дали отсрочку, так как две женщины, подлежащие эвакуации, еще не вернулись с оборонных работ. Комиссия перенесла срок на 20-е и успокоила, что женщины вернуться к сроку, так как их уже вызвали через комиссию по трудовой повинности.

Эвакуация проводится по производственному принципу, т.е. через производства, предприятия и учреждения. Эвакуируются матери работающие и семьи работающих мужчин. В нашем институте... к эвакуации готовятся семь семейств. Все идет гладко. Никто не возражает и даже <...> некоторые готовы уехать вместе с семьями. <...>

Сегодня научный сотрудник П. заявил, что он хотел бы выехать вместе с семьей, но у него теща лежит больная параличом и ее взять с собой нельзя. Просит помочь ее устроить в Дом ветеранов. Написали в Дом ветеранов бумажку с просьбой помочь. Но П. поступает далеко не героически. Ехать ему из Ленинграда отнюдь не обязательно. Его сын 13-ти лет уже эвакуирован со школой и находится в Котельничих в безопасности. В семье остались жена, он и теща. Но он на старости лет, как видно, боится за свою жизнь, спешит спастись. Мог бы отправить свою жену. Ну что же, может ехать, его задерживать не будем.

Не очень-то он и нужен: ничего не может сделать самостоятельно. Написанные им статьи и брошюры нельзя издавать. Они очень слабые. Он ни к чему не приспособлен и, уехав из Ленинграда, может не найти работы, потому что для физической работы он уже стар — ему около 60 лет или больше, а к другой работе он не пригоден. Ну и пусть, раз хочет спастись, то пусть спасается!

Сегодня наш уважаемый культпроп тов. К.Г.Ш. заявил мне, что на него произвела очень плохое впечатление научный сотрудник Д.С. Б-ва, которая ему высказывала свое колебание, выразившееся в желании уехать из Ленинграда. Я ему напомнила, что я уже обращала внимание на то, что Бердникова все время занята своими личными делами: перетаскивает <...> вещи в разные квартиры, мотивируя тем, что живет в верхнем этаже и боится возможного пожара от бомбардировок. Все это допустимо, но не в ущерб порученной партийной работе, а она все время срывает агитрабату на участке, куда она прикреплена в качестве агитатора. Я уже с ней имела серьезный разговор по этому поводу, и она обещала исправиться. Она, видимо, все еще не может прийти в себя после приезда из Кальварии¹, где ее застала война и откуда она приехала с первыми эшелонами беженцев, а муж ее — комиссар дивизии — пропал без вести. Но, казалось бы, тем более она должна бы была питать неукротимую ненависть к фашистам и проявлять готовность бороться с ними до конца, не жалея жизни.

Да, видимо, верно говорят: наш комсостав оказался не на высоте, и на фронте в первые дни многие командиры бежали от фашистов в большой панике. Конечно, не все, но были такие случаи.

В воскресенье 10 августа приезжал мой брат Семен на несколько часов с фронта в Ленинград. Настроение у него высокопатриотическое. Он возмущался (так же как я слышала от других до его приезда) паническим бегством с фронта частей нашей Красной армии в первые дни войны. Причем он обвинял в этом наших командиров, которые за годы мирного строительства обросли жирком и при первом же натиске врага побросали оружие и стали спасать свое личное имущество. Красно-

¹ К а л в а р и я — город в Литве на границе Восточной Пруссии, один из трех первых населенных пунктов, занятых немцами 22 июня 1941 года.

армейцы же, наоборот, показывали образцы мужества и отступали последними, не имея руководителей. <...>

Как все это печально слышать! <...> Семен утверждает, что там, где командование <...> на высоте, там фронт держится твердо, и что все дело в командирах, а красноармейцы выказывают готовность драться. <...>

В Ленинграде беспокойно. Ходят тревожные слухи. Вчера услышала <...>, будто бы немцы взяли Кингисепп. Спросила об этом в райкоме. Инструктор на это уклончиво ответил, что никто ничего не знает. Такой ответ похож на подтверждение, а я ждала категорического опровержения <...> [Е. С-ва]¹.

«Ленинград, Главкому Севзап. Ворошилову, Члену Военного совета Жданову.

Ставка считает, что наиболее опасным направлением продвижения противника является восточное направление в сторону Новгорода, Чудова, Малая Вишера и дальше через реку Волхов. Если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов. При этом вероятно, что немцы сомкнут здесь свой фронт с фронтом финнов в районе Олонец. Нам кажется, что Главком севзап не видит этой смертельной опасности и потому не предпринимает никаких особых мер для ликвидации этой опасности. Ликвидировать эту опасность вполне возможно, так как у немцев сил здесь немного, а подброшенные нами на помощь новые три дивизии при умелом руководстве могли бы ликвидировать опасность. Ставка не может мириться с настроениями обреченности и невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано и ничего больше сделать невозможно.

Ставка приказывает:

¹ Е. С-ва — и.о. директора Ленинградского института истории ВКП (б).

Первое. Собрать в кулак часть действующих и подошедших дивизий и вышибить противника из Новгорода.

Второе. Ни в коем случае не допускать перерыва Октябрьской жел. дор. линии и распространения противника на восточный берег Волхова, прочно удерживая за нами район Новгород — Чудово — Тосно.

[17 августа 1941] ».

18 августа 1941 года

Сегодня было убийственное сообщение с фронта: наши войска оставили Николаев и Кривой Рог. Все ходят как убитые. Такие тяжелые потери на фронте, что никто не ожидал! Нет, так дальше нельзя! Что-то тут не ладно. В чем дело. В чем дело? Почему такие поражения терпит наша армия? Газеты пишут все о тяжелом положении немецкой армии, а они все прут вперед. <...>

Лурье сообщил сегодня, что его вчера вызывали в Смольный и интересовались планами внутренней обороны Петрограда в 1918-м. Говорят, фашистам удалось уже взять Волосово, это всего несколько часов езды от Ленинграда.

Сегодня Бердникова пришла просить, чтобы я отпустила ее к детям. Я сначала ей резко сказала, что она не хочет спасать Ленинград, а в первую очередь себя.

— Но у меня же дети! — воскликнула она.

— Так у нас всех есть дети.

Потом позвонила секретарю райкома Л-у и спросила его, какой порядок намечается эвакуации женщин-коммунисток, у которых дети эвакуированы. Он ответил, что их будем эвакуировать в последнюю очередь, дней через 10–15.

Лурье сказал, что в горкоме никого из матерей задерживать не собираются.

Тогда я сказала Бер-вой, что если она сможет достать талон на посадку и эвакуироваться через ЛВО, то мы ее отпустим. Она стала хлопотать.

Нам предложили эвакуировать рукописный отдел. Но у нас нет транспорта и никак не можем его раздобыть. Просила машину у председателя Райисполкома Горбунова, обещал похлопотать, а потом по-

звонил, что ничего не может сделать. Обращалась к ряду знакомых организаций, но везде отказ — или нет автомобиля, или есть, но самим позарез нужен. Нам необходимо срочно привезти из Смольного пустые ящики и паковать в них рукописи. Лурье побежал к гастроному, чтобы найти пару ручных тележек.

Пришла Е. Ф. Пашкевич и рассказала, что в институте им. Крупской военрук сообщил, что сегодня эвакуация отменяется, потому что диверсанты в Череповце и все эшелоны, которые выехали вчера, стоят там. Наши женщины взволнованы.

Говорят, что к Толмачеву прорвались фашистские части, а там наши работают. <...>

Мать Андриановой, говорят, сильно плачет. Она ждала дочь, чтобы вместе с внуком эвакуироваться...

На совещании в Выборгском райкоме <...> секретарь тов. А. К-в говорил о военной обстановке <...> в унылом тоне, но ничего конкретно и только привел всех в недоумение и навел тоску, так что одна коммунистка — директор школы выступила и заявила протест против его речи. Она сказала, что «я считаю, что так проводить совещания нельзя, надо сказать, как обстоят дела и что нужно делать коммунистам». А. К-в говорил, что на фабриках и заводах надо создавать рабочие отряды, но оружие не обещают. «Может быть, раздадим охотничьи ружья» [Е. С-ва].

«РАЗ ПОСЫЛАЮТ, ЗНАЧИТ, НЕ ОПАСНО...»

Из блокадного дневника Г. К-ой

16 августа мы выехали на окопы в направлении на Кингисепп. Перед отправкой О.Н. сказала:

— Куда вы? Там опасно под Кингисеппом.

Что можно ответить на это? Раз посылают, значит, не опасно. Ехали ночью. Поезд часто останавливался. Обстановка быстро осложнялась, но нам было не скучно. Была хорошая компания. Место работы Ломоносов, не только до Кингисеппа, но и до Копорья мы не доехали. В Ломоносове вначале все было спокойно. Начальник эшелона определил меня своим помощником по хозяйственной части, и жизнь моя сложилась совершенно неожиданно и оригинально. В первый день я должна была обеспечить весь эшелон жильем. Много было сканда-

лов, я промокла вся до нитки, но потом все утряслось. В дальнейшем я работала с утра и до ночи, но положение мое было все же привилегированным. Моя кладовая была в отдельном домишке. Я всем старалась дать все, что просили, побольше, и поэтому у меня со всеми были хорошие отношения. Сама я работала бескорыстно и ни в чем не нуждалась, да и воровать не умею.

Однажды приехал к нам ансамбль артистов краснофлотцев. Был холодноватый вечер. Концерт давали за скотным двором на лужайке. Публика разместилась на лужайке и в «ложах» — окнах скотного двора. Артисты — близ силосной башни.

Молодые моряки, славные ребята, довольно культурные, превзошли себя. Уже чего только они не переиграли, не перепели. С особым успехом исполнил какой-то молодой моряк «Синий платочек» и «У меня есть сердце». Отзвучали последние слова романса — и замирали молодые сердца. Согрелись, размягчились, облагородились все как-то под воздействием музыки — чудная была картина и хорошее настроение. Потом ансамбль уехал, остались окопы, нормы выработки и нормы питания.

Жили мы в сарае, Вначале еще было ничего, но в конце августа стало так холодно, что ночью грелись только тем, что спали вплотную. Я обычно ложилась после всех, забираясь на свое место ползком и буквально втискиваясь между телами. Хорошо, что слева от меня спали Х. или Г., они давали мне часть своего одеяла (у меня с собой был только теплый платок). Было так тесно, что спали навывтяжку, зато было теплее.

И вот однажды вечером, когда уже все переругались — это у нас часто случалось: люди разные попались, у нас в отряде были две скандалистки и один скандалист. И вот, когда все угомонились и улеглись, сквозь щели сарая стал проникать свет. Он быстро становился все ярче. Поднялась страшная суматоха, крики. Люди в панике бросились к дверям. Подбежала к дверям и вижу: в небе висит огромная «лампа», источающая небывалый свет. Кругом на километры светло, как днем. Что за оказия? Присмотревшись, замечаю, что «лампа» медленно спускается на парашюте. Это осветительная бомба — догадалось я, но кто ее бросил? Что хотел осветить? Наша она или немецкая? Сейчас станут бомбить?! Пропали?! Наши окопницы просто совсем взбеленились. И вдруг снаружи раздался голос начальника: «Приготовиться к эвакуации. Ожидать команду. Соблюдать тишину!!!» А тем временем бомба опустилась за лес и погасла.

Собрала я свой вещмешок. Легла, положив его под голову, и заснула. Что случилось ночью, не знаю. Утром и весь следующий день было спокойно. По секрету сообщили, что это был наш заблудившийся самолет. Может быть, это неправда. Кто знает? Во всяком случае, нас тогда не бомбили.

Должна добавить, что зрелище было захватывающее. Бомба опускалась очень медленно, испуская необыкновенный, ни на что не похожий свет. Все пространство, освещенное бомбой, стало загадочно и сказочно красиво.

Стало уже совсем прохладно, и пошли дожди. Днем стали появляться самолеты. Один даже спикировал на нас, что вызвало всеобщее беспокойство. По ночам все отчетливей слышна стрельба, но работа шла своим чередом. У меня совершенно развалилась обувь, и я хожу босиком. Болит нога, поцарапанная в первый день после приезда.

Новостей с фронта никаких. Отношения с окопниками наладились. Каждый день раздаю привезенные продукты. Стараюсь исполнить их просьбы, хотя начальство иногда сердится. Приходилось часами простаивать у котлов на раздаче пищи. Бывало, окопники ругались, но по большей части раздачи шли весело. Повар — Нюра, мастерица пошутить солоно, но остроумно, а ко мне все относились очень хорошо.

Срок нашей работы уже подошел к концу, а нас все не отпускают. Наконец объявили, что, может быть, с утра отправимся по домам. Утром приказали 172 из 900 остаться, остальные — домой. И вот эти 172 или немного меньше прибежали к сараю, побросали лопаты. Брань пошла несусветная, и сколько их ни убеждали, они самовольно ушли. Мне нельзя уходить, я должна сдать документы и кладовую. Потом начальник отпустил и сам ушел — рабочая сила разбежалась.

Пошли. Я снарядилась в начальниковые белые туфли 42 размера. Дорога шла через болото. Кругом леса. Шли неорганизованно. Люди обгоняли друг друга. Разведчики с ближайшей станции не вернулись. Сведения о поездах не поступали. Пришлось идти на Ораниенбаум. Старинный Ораниенбаумский парк — это фактически огромный лес. Во второй половине дня вышли на берег Финского залива. Открылся вид на море, синее-синее. Кронштадт как на ладони. Пожары в Кронштадте и на море. Даль залива чарующе привлекательна, и жутко становилось от этих пожаров. Дошли до станции, сели в поезд и доехали до дома.

19 августа 1941 года

Сегодня утром вернулись все четверо наших работающих на оборонной стройке на подступах к Ленинграду. Их отпустили в связи с приближением фронта, потому что там стало опасно и был дан приказ всем отступить.

Много хлопот было с эвакуацией рукописного отдела. Вчера мы его упаковали в ящики и спустили с 3-го этажа на первый, а сегодня нужно было отправить по назначению. Однако возникло большое затруднение с транспортом. Звонила я к секретарю РК ВКП (б) Левину и просила дать машину. Он сначала отказался и рекомендовал обратиться в Смольный, но я ему ответила, что там нам рекомендовали обратиться в райком или в райсовет, в который, кстати, мы обратились еще вчера. В конце концов, машину обещали дать и я поехала по указанному адресу, чтобы ее получить. Но только вышла на улицу, дали сигнал воздушной тревоги, и пришлось уйти на Марсово поле в траншею и там просидеть около получаса. Когда добралась туда, нашла начальника и получила согласие на машину, позвонила в институт, но оказалось, что машину уже дал музей Ленина, тогда я пошла и сообщила начальнику, что от машины отказываемся, так как нашли в другом месте. Тот был очень доволен. В конце концов, все одиннадцать ящиков увезли и стало легче.

Эвакуация женщин и детей на завтра не состоялась. Не хватило билетов. Народ начинает нервничать. Сегодня всем эвакуируемым выдали деньги — расчет с двухнедельным пособием.

Тов. Лурье откуда-то слышал тяжелые новости: будто бы наши войска оставили Одессу, Севастополь и Баку. Он уверен, что это так, и очень расстроен. Он считает, что следует народу говорить правду. Поражение наших войск возможно, но доверия народа терять нельзя, если будем скрывать, то от этого Советская власть проиграет. Он напомнил, как Ленин в годы Гражданской войны часто обращался к массе за помощью в тяжелые минуты.

Теперь враг стоит у ворот Ленинграда, а коммунисты не знают, что им делать. Никто не имеет оружия, и даже охотничьи ружья изъяты. В народе начинают распространяться слухи о предательстве. <...> [Е. С-ва]

20 августа противник занял железнодорожную станцию Чудово. Тем самым оказалось прервано железнодорожное сообщение Ленинграда с Москвой. Спустя пять дней немцы захватили Любань и продолжили продвижение на Ленинград вдоль Московского шоссе.

20 августа 1941 года

Сегодня была в райкоме. <...> Разговор с инструктором рассеял некоторые сомнения. Так стало хорошо и спокойно на душе, когда узнала, что есть партийная установка Ленинград не сдавать фашистам ни в коем случае. Но надо, чтобы народ знал об этом и не падал духом. Получено указание формировать рабочие батальоны.

Провели сегодня в институте митинг о подготовке населения к обороне, строительстве военных укреплений и формирования рабочих батальонов. После митинга открылась запись в рабочие батальоны. Записались все наши мужчины: Лурье, Шариков, Шульман и Логинов, за исключением Паялина, которому отказали в записи по состоянию здоровья — глух и страдает астмой. Логинов записался под нажимом, ссылаясь на возраст, что мне, мол, за молодежью не угнаться, да не быть бы в тягость, но если велют, то запишусь.

Паялин сегодня в кабинете директора устроил скандал, требовал, чтобы ему заплатили деньги за отпуск, которые ему не полагались, так как он отпуск использовал. Паялин собирался покинуть город вместе с женой, и его отпускали, хотя он не подлежал обязательной эвакуации. Он кричал:

— Вы меня выталкиваете на улицу, на голод! Старика гонят неизвестно куда!

Я ему напомнила, что его никто не гонит и он может не ехать, если не хочет, но он ничего не слушал и продолжал кричать. Директор пришел в большой гнев и стукнул чернильницей по столу.

В конце концов, Паялин ушел.

После его ухода Л. еще долго не мог успокоиться, потом по большому секрету рассказал ужасную вещь о Кировской дивизии, будто бы она разбита, и плакал. «Мительман, Мительман такой способный, такой умный!» — повторял он. Я не могла выдержать и тоже заплакала. <...> [Е. С-ва]

21 августа 1941 года

Шли дни за днями, и фронт приближался к Гатчине. <...> Жители начали эвакуироваться. 17 августа уехала сестра с племянником, 18-го теща и свояченица. Три чемодана с бельем и одеждой я вывез в Ленинград. <...> Утром 19 тщательно прибираю квартиру, заколачиваю двери и рамы гвоздями, и запираю на ключи. Удары молотка раздаются погребальным звоном. Я вышел на улицу и взглянул последний раз на окна своей квартиры, где жил восемь лет и где вместе с женой боролся за жизнь своего сына.

Больше я не видел своего гнезда. Погибло все, что я ценой своего труда смог приобрести за восемь лет. Квартира, обстановка, радиоприемник, часть одежды и белья, и даже вещи знакомых свояченицы, временно оставленные на хранение. <...>

20 августа я попытался попасть в Гатчину. Видел, как сыпали немецкие самолеты бомбы на безоружный город, как он обстреливался из пушек. Около меня разорвался снаряд. Я уцелел, но при падении порезал руку осколками стекла.

Видел мать и отчима. Они сидели в подвале и отказались идти со мной в Ленинград. Мать была нездорова. <...> Я один уехал с последним поездом в Ленинград. <...> Поезд шел по неправильному пути, вагонами вперед, под грохот пушек и трескотню самолетов. Я стоял на площадке вагона и плакал. Мне казалось, что я кроме дома потерял мать. Я считал себя подлецом. Прошло несколько дней. Однажды утром пришли из Гатчины мать и отчим. В городе жить уже было нельзя, Командование Красной Армии настояло на уходе остатков жителей, и вот мать и отчим пришли с несколькими жалкими тюками.

Меня, мать и отчима временно приютил Вячеслав Францевич К-й, начальник 5-й жилищно-ремонтной дистанции Октябрьской железной дороги. Он эвакуировал свою семью, и теперь мы трое хоть немного могли заменить ему семью.

Моя жена Туся получила комнату на улице Дзержинского [Гороховой]. Комната маленькая, всего 10 с половиной квадратных метров. Я ее отремонтировал, достал в долг шкаф, два стула, стол, настольную лампу и купил полуторную кровать с матрацем. Комната стала приличной и уютной <...> [А. А.]¹.

¹ А. А. — род. 1908 г. — инженер 5-го отделения службы движения Октябрьской железной дороги.

21 августа 1941 года

В райкоме прошло совещание, посвященное <...> обращению к ленинградцам за подписью Ворошилова и Жданова. Разрешили принимать в отряды Народного ополчения женщин. Я тоже записалась и очень рада, что если надо будет погибнуть за Советскую власть, то с оружием в руках и не зря, а может быть, удастся какого-то фашистского гада уничтожить, записалась также Б. Н. Крушкол.

В шесть часов вечера все должны были явиться в сад МОПРа, но своевременный сбор не произошел, так как в пять часов началась воздушная тревога, которая продолжалась час сорок минут, поэтому пришли с опозданием.

Исторический момент пережили все присутствующие при выборах командира и комиссара отряда. Все уселись на ступеньки Михайловского дворца в саду и слушали выступления ораторов. Выступали от военного командования, от райкома и др. Настроение у всех было торжественное и серьезное, но в то же время спокойное. Все понимали серьезность обстановки и опасность, которая грозит Ленинграду, однако твердо верили в неизбежность нашего дела и в победу над врагом.

На завтра назначен сбор там же на 18 часов. <...>

Получила письмо от своей младшей дочурки. Она описала, как они ходили за грибами и ягодами и как ловили рыбу. Бедные девочки, они еще не понимают всей грозности обстановки. Пишут, что им хочется учиться и приехать в Ленинград. Будем надеяться, что мы скоро увидимся и поживем еще вместе. Надо выбрать время и послать им деньги, пока еще связь с Ленинградом не прервалась [Е. С-ва].

22 августа 1941 года

Сегодня утром провели собрание, посвященное обращению Жданова и Ворошилова к ленинградцам. <...> Открывала собрание я, а читать воззвание поручила Бердниковой, которая затем выступила с горячей речью об обязанности ленинградцев защищать Ленинград. Во время ее речи Лурье передергивал лицом и как-то нервно реагировал. Потом он рассказал, что она утром в 7 часов звонила ему, просила разрешить ей опоздать на работу, потому что она собирает вещи к отъезду из Ленинграда. Днем мы собрали партбюро и вызвали Б. для объяснения. Я спросила ее:

— Вот ты сегодня на собрании горячо призывала защищать Ленинград, а сама собираешься в это время что делать?

Она некоторое время не могла ответить и затем сказала, что она собирается уехать.

— Но как же у тебя слова не сходятся с делами?

Тогда она сказала в свое оправдание, что у нее погиб муж на фронте и она думала, что необязательно погибать обоим, так как у нас дети и они ничем не обеспечены.

На что Лурье ей возразил:

— Ты так выступала на митинге, так горячо, а завтра уедешь, что же скажут беспартийные! Ведь они о тебе судят, как о членах партии, и по тебе будут судить о коммунистах.

Она растерялась и, по-видимому, совсем не ожидала такой постановки вопроса и сказала, что она подумает и завтра скажет.

Лурье спросил по телефону секретаря горкома Шумилова о том, как быть с Б. и можно ли ее отпустить. Шумилов был очень недоволен:

— Как вы можете мне звонить по такому поводу? Так у вас тоже начинается <...> это в институте истории партии. <...>

А Пашкевич уехала еще вчера. Да, действительно, все коммунисты показали свое лицо, в это грозное время проявляется мужество и преданность партии.

Лурье просил меня пока не говорить ни в райкоме, ни в горкоме, что Пашкевич он отпустил, так как он теперь видит, что допустил ошибку и может получить за это нагоняй. Вопрос об отъезде Б. отпал в связи с указанием секретаря горкома ВКП (б) Шумилова [Е. С-ва].

25 августа 1941 года

Вчера было объявлено, что все ополченцы с 26 августа переходят на казарменное положение. Мы с Н.Б. собрали все, что полагается — белье, одеяло, предметы гигиены, ложку, и явились по указанию командования на сборный пункт в Институт им. Крупской. Там нам отвели комнаты и койки. Когда мы пришли в Летний сад, мне и Крушол, записанным в пулеметную роту, было приказано отправиться обратно на работу в свое учреждение. В этом деле, по-видимому, повлиял Лурье, который говорил с комис-

саром отряда о том, чтобы меня отправили обратно, так как я должна его замещать по службе. Мы были освобождены от казарменного положения и были переведены во Всевобуч [Е. С-ва].

«МЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО НАС ЖДЕТ ВПЕРЕДИ»

Из воспоминаний С. Б-вой

Извещение о мобилизации на оборонное строительство пришло за два дня до отъезда. В нем указывалось место и время сбора, перечислялись предметы, которые надо было взять с собой. В назначенное время отправились на сборный пункт Дзержинского района (пл. Искусств). Я уходила последней из нашей семьи, со слезами и болью закрыла комнату.

На сборном пункте была сделана переключка. Если мне не изменяет память, колонна строителей Дзержинского района насчитывала 3000 чел. Отъезжающие были разделены на сотни, во главе которых стояли руководители (сотенные). Я была зачислена в VIII сотню. <...>Перевозка строителей к месту работы была совершена на автомашинах, что свидетельствовало о срочности и особой важности предстоящих работ. Руководители колонны строителей Дзержинского района заблаговременно не позаботились о нашем размещении. Сойдя с машин, мы побежали к домам, чтобы самостоятельно устроиться на ночлег. Большой толпой мы ходили от дома к дому, но в ответ нам из окон и дверей кричали, что мест нет. Тогда было решено устроиться в сараях, но и они оказались также переполненными. Между тем наступила темнота. Тогда мы наносили сена к наружной стене какого-то строения и, зарывшись в него, устроились на ночлег...

Наутро нас подняли в 7 часов, накормили завтраком и затем по сотням провели организационные собрания. Перед нами поставили задачу вырыть противотанковый ров, который должен был преградить путь немецким танкам. Был установлен следующий распорядок: подъем в 7 часов, затем завтрак и в организованном порядке выход на работу. Работа продолжалась с 8 до 12 часов. После обеда и краткого отдыха мы в 13 часов возобновляли работу, которая оканчивалась в 18 часов. Сотней в организационном порядке, усталые, еле передвигая ноги, мы возвращались в деревню, ужинали и ложились спать. После первой ночи, проведенной под открытым небом, для нас был выделен незакрытый сарай с сеном, в котором мы ночевали. <...>

Работали три женщины в связке. Первая углубляла дно рва, выбрасывая землю на площадку, находящуюся на уровне ее плеч. Вторая с этой площадки выбрасывала землю на поверхность, третья раскидывала ее по поверхности почвы. По мере углубления рва работать становилось все труднее: болела поясница, руки наливались свинцовой тяжестью, и каждый новый бросок лопаты с землей доставался с большим усилием. <...>

В каждой сотне был установлен пост воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), в обязанности которого входило следить за воздушной обстановкой и в случае появления фашистских самолетов объявлять воздушную тревогу...

20 августа после обеда примерно часа в два нам велели прекратить работу, оставить инструменты во рву, а самим собраться в укрытии, небольшом овражке, поросшем кустами. Сотенный сообщил о прекращении работы. Он приказал, чтобы мы вели себя дисциплинированно и находились на этом месте до особого распоряжения. После этих слов сотенный ушел в штаб строительной колонны, который находился в той же деревне, где мы были расквартированы. Поспешный уход сотенного и его отсутствие вызвали у всех нас растущее беспокойство и тревогу. Вернувшаяся из штаба связная рассказала, что там распространились слухи о приближении немцев, что вызвало панику. Штабные работники поспешно погрузили на автомашины ящики с документами, личные вещи, другое имущество и уехали в Ленинград.

Рассказ связной вызвал среди женщин новый всплеск панических настроений. Послышались стенания и истерические вскрики. Стали обвинять наших руководителей в том, что они бросили нас на произвол судьбы, оставили в руках немцев. Не скрою, что и меня охватила тоска по дому и страх попасть в плен к немцам. Но я старалась держать себя в руках. Не владея собой, моя напарница плакала и бросалась мне на шею, уговаривая не ждать появления немцев и отправиться в Ленинград пешком. Хотя и мне было страшно, но я не поддавалась на ее уговоры и твердо решила, что бы ни случилось, не покидать сотню.

Возвращение руководителя сотни заметно успокоило женщин. По его команде сотня поспешно, но в полном порядке направилась в деревню и расположилась в нашем сарае. По пути мы видели, что и другие сотни шли в деревню.

Наш сарай был расположен вблизи леса, в котором стояло воинское подразделение. К сараю несколько раз подходили солдаты. С болью в сердце и жалостью смотрели мы на них, вышедших из окружения — грязных, обросших и измученных. С наступлением ночи, взяв личные вещи, мы отправились в путь.

Несмотря на темноту и тревожную опасную обстановку, нашим руководителям удалось обеспечить организованное движение колонны.

Впереди шли проводник и разведка, связь между сотнями осуществляли специально выделенные люди. Руководители сотен строго следили за тем, чтобы не отстать от впереди шедшей сотни. Шли быстро, без остановок, подгоняемые приближавшейся артиллерийской канонадой. Путь лежал через леса, болота и кустарники. Без дороги идти было очень трудно. В темноте идущие часто спотыкались о пни и кочки. В первую же ночь у меня на подошвах и пятках появились кровавые потертости, я стала хромать.

С рассветом мы расположились в лесу на дневной привал. Руководитель сотни объявил, что питания не будет. Стало ясно, что хозяйственники, панически бежав в Ленинград, бросили строителей на произвол судьбы. Прежде чем сняться с места, они должны были обеспечить нас сухим пайком. Сотенный сообщил нам, что недалеко от нашей стоянки находится деревня и картофельное поле. Он разрешил женщинам по двое отправиться туда, чтобы обеспечить себя пропитанием, что они не замедлили сделать. Я со своими разбитыми до крови ногами не могла даже сдвинуться с места. Через некоторое время женщины вернулись, принеся с собой что-то поесть. Но они сделали вид, что меня не существует, и не захотели поделиться принесенной едой. Просить же у них хотя бы несколько картофелин у меня не хватило смелости. В течение всего дня я оставалась без еды.

С наступлением темноты колонна строителей Дзержинского района, а в ее составе и наша сотня, вновь тронулась в путь. Идти мне было очень тяжело. Каждый шаг давался с трудом и болью. И я до сих пор не могу понять, откуда я, не евшая вторые сутки, находила силы, чтобы не отстать от сотни. Благоприятствовала нам лишь погода. За трое суток перехода не было ни дождей, ни холода.

Колонна шла всю ночь. Часть пути мы проделали по просеке, недавно прорубленной солдатами в лесу. Наконец, мы вышли на берег широкой многоводной реки. Переправились на пароме, когда уже рас-

светало. К нашему счастью, передвижение огромной массы людей не была замечено вражеской авиацией и все обошлось благополучно.

Как только переправилась последняя сотня, колонна вновь тронулась в путь, не считаясь с тем, что взошло солнце и стало совсем светло. Нас было хорошо видно с воздуха. Все шли из последних сил. Я двигалась как бы в полусознательном состоянии. Помню лишь, что мы дважды пересекли железную дорогу. Наконец, мы вошли в молодой еловый перелесок. Была объявлена дневка, и все в изнеможении попадали на землю. Но из-за огромного физического и душевного напряжения сон не шел. Меня, да и, по-видимому, других неотступно преследовала мысль: идем третьи сутки, а проделали лишь незначительную часть пути к Ленинграду. Все спрашивали друг у друга: что нас ждет впереди? В душу закрадывался страх, что, возможно, мы уже попали в окружение. К вечеру тревога и беспокойство усилились. Все громче раздавались голоса, где начальство и почему оно не появляется.

Как только стемнело, пришел руководитель сотни и сообщил, что скоро на проходящую рядом с нами железную дорогу подадут поезд, который и доставит нас в Ленинград. Он настоятельно просил сохранять порядок и организованность.

И действительно, в ближайшее время нам дали команду на посадку. Но тут произошло что-то невообразимое: началась давка и толкотня. Послышались крики и плач. Я в изнеможении стояла в стороне и последней взшла в вагон. Места на лавках не оказалось, и я уселась на полу, прислонившись к стенке вагона. Поезд тронулся без промедления. В пути его дважды засекали вражеские самолеты. И каждый раз поезд останавливался, большинство женщин, опасаясь бомбардировки, выбегали из вагона. Я оставалась в вагоне. По миновании угрозы поезд возобновлял движение.

Так мы ехали довольно долго, и мои соседки, да и я, стали, придя в хорошее расположение духа, высчитывать, когда поезд придет в Ленинград. Но эти расчеты были преждевременны.

Неожиданно для всех поезд замедлил ход, а затем вовсе остановился. Вскоре по вагонам пронеслась весть: впереди немцы, и поезд в Ленинград не сможет пройти. Вновь, как уже не в первый раз, поднялась паника. Многие выскочили из вагона и спрятались в кустах, опасаясь появления фашистов. Как и прежде, я сидела в неосвещенном вагоне, не сходя со своего места. Я отказалась присоединиться

к группе, решившей самостоятельно пешком идти в Ленинград. Временами мне казалось, что вот-вот придут немцы и я попаду в плен. Тогда я начинала плакать и молить Матерь Божию и Николая Чудотворца, чтобы они меня спасли. В то же время, если уж быть совсем откровенной, меня не покидала надежда, что наши руководители-коммунисты не оставят нас в беде. Так, скованные страхом и отчаянием в темноте, мы сидели долгое время, потом вдруг поезд задергался, сдвинулся и покатиł назад. Всех поразила догадка: нас возвращают назад, к месту посадки, что означало бы верную гибель.

Но это был путь не гибели, а спасения. Через некоторое время (мы сами и не заметили) поезд свернул на соединительную железнодорожную ветку и по ней выехал на Октябрьскую дорогу. Ехали мы медленно и очень долго. Был уже полдень, когда состав окончательно остановился в лесу. За лесом открывалось обширное поле, а вдали виднелся населенный пункт — Колпино. В последний раз в вагоне появился руководитель сотни. Он сообщил, что дальше поезд не поїдет, колонна строителей Дзержинского района распускается и каждый человек должен самостоятельно дойти до Колпинского вокзала, откуда электричкой добраться до Ленинграда. Обрадованные, мы покинули вагон и пошли в Колпино. Большинство женщин быстро повалили в указанном направлении. Но я не смогла сдвинуться с места. На ступнях моих ног было много кровавых мозолей. И я могла лишь превозмогая сильную боль встать на ноги. Трое суток я ничего не ела, и казалось, что уже нет сил передвигаться. Поезд ушел, и оставаться одной было нельзя. Хоть плачь, а идти надо. И я пошла, то снимая сапоги — босая, то опять обувая их. Но успокаивала мысль, что угроза фашистского плена осталась позади и что теперь-то чего бы ни стоило, я доберусь до дома. <...>

Как я дошла до Колпина, сколько времени на это потребовалось, я не помню. Ясно, что шла очень долго. На вокзале от железнодорожников я узнала, что электричка со строителями ушла в Ленинград, а когда будет следующая и будет ли вообще — никто не знает. Я, набравшись терпения, уселась на скамейке. Стало темнеть. Количество пассажиров, желавших уехать в Ленинград, возрастало. Все они тесной толпой окружили начальника станции, просили и умоляли отправить их в Ленинград. Вдруг на большой скорости подошла электричка, которая очень быстро доставила всех в родной Ленинград.

На Московском вокзале нас ожидал строгий, тщательный контроль. В конце узкого прохода стояли двое военных, которые внимательно просматривали паспорта. Необходимость этого понимали все: в толпе пассажиров могли пробраться в город и вражеские агенты.

Подойдя к трамвайной остановке на Лиговской ул., я убедилась, что регулярность трамвайного движения нарушена. Вместо того, чтобы идти через Марсово Поле на Петроградскую сторону, трамвай дошел только до цирка. Но и это уже было хорошо. Опираясь на прутья решетки Михайловского сада, я добрела до Марсова Поля, вошла в дом. Открыв дверь комнаты и переступив порог, в изнеможении упала на пол лицом вниз. Все силы до последней капли были израсходованы, и я не могла даже подняться и лечь на кровать. Сколько времени я находилась на полу в полузабытьи — не помню. Наконец, слышу, дверь открывается, вошел мой муж. Его до отбоя отпустили из районного штаба МПВО, чтобы проведать, не вернулась ли я. Едва открыв дверь, он испуганно закричал: «Соня, что с тобой?» Выслушав мои объяснения, он обрадованно сказал: «Ну слава богу, жива». Дело в том, продолжал Алексей Иванович, что в последние дни в Ленинграде упорно распространялись слухи о том, что все женщины, строившие Лужский оборонительный рубеж, захвачены немцами в плен. «Нам с мамашей становилось страшно от этих слухов, мы расстраивались и горевали, думая, что больше уже не увидим тебя». В это время в комнату вошла мамаша. Она со слезами обняла и поцеловала меня. Никогда не забуду ее слова: «Вот радость какую Господь послал: ты дома и опять с нами».

Вскоре Алексей Иванович ушел, т.к. он должен был к 9 часам вернуться в свою военную часть, а я пошла к мамаше: там меня накормили и напоили чаем. Ложась в постель, я почувствовала тепло и уют, которого была лишена в течение многих недель. Так счастливо закончился для меня день невероятных трудностей, физического и душевного напряжения, острых тревог и смертельной опасности.

26 августа 1941 года

Сижу в кабинете директора и исполняю его обязанности. Позвонила секретарю Кировского райкома и спросила о Мительмане — не знает ли он о его судьбе, так как ходят упорные слухи о его гибели. Секретарь ответил, что Мительман жив и здоров и два дня назад получили от

него письмо. Все наши сотрудники, узнав об этом, очень обрадовались. Пришел Лурье, и он был очень рад известию о Мительмане.

У нас в квартире поселились беженцы из Александровки, что по Варшавской дороге — учительница с престарелой матерью. Их пустил И.И. — учительница работала в его школе. Старушка напугана. В Александровке им довелось пережить бомбардировку и артиллерийские обстрелы.

Распространяется масса слухов — плохих и хороших. Говорят, будто бы наш Балтфлот провел крупную десантную операцию в Прибалтике и четвертый день идут бои в Риге и Либаве. Говорят, что наше положение под Ленинградом улучшается и у нас появились американские танки и самолеты.

Так хочется всем иметь хорошие вести с фронта. Однако сводки очень скупы и ничего по существу не дают. <...> Все понимают, что наше положение тяжелое [Е. С-ва].

27 августа 1941 года

Вчера из Ленинграда ушел последний эшелон. Сегодня блокирована последняя магистраль, связывавшая Ленинград с остальной частью страны. Враг перерезал ее от реки Тосно до Синявина и Мги включительно. Неприятель отрезал и водный путь в Ленинград. Он вышел на левый берег Невы.

Со вчерашнего дня прекратилась эвакуация заводов и населения. Город начал переживать новый этап своей истории. Надолго ли? Ленинградцы полны решимости до конца не сдаваться. На улицах города строятся баррикады, рабочие батальоны учатся тактике уличных боев. Если враг попытается вступить в город, он дорого заплатит <...> [А. К-й]¹.

28 августа 1941 года

Сегодня пришел к мне из Народного ополчения начальник артсклада, который помещается в подвале нашего Мраморного дворца, и попросил дать ему еще помещение, затем провел меня в подвальное помещение, где помещался склад. Он оказался битком набит боеприпасами. Мне очень не понравилась такая неконспиративность началь-

¹ А. К-й — директор завода.

ника. Мне вовсе не требовалось знать, что у них хранится. Если так плохо будут охранять, то могут нарваться на диверсию. Не так давно возле нашего дома милиционеры задержали диверсанта на грузовой машине.

Сегодня после 5 часов вечера позвонили из райкома и дали директиву срочно уничтожить архив нашей организации, для чего составить комиссию, которая по акту уничтожает и акт сдает в райком не позднее 9 часов утра следующего утра.

Собрала членов партбюро и занялась уничтожением архива. Работали до 8 час 15 мин вечера. Хорошая печка все сожгла очень быстро. Мы все понимали, что на фронте создалось серьезное положение, и ни о чем не разговаривали, а делали дело. Оставила несожженными только несколько дел, касающихся исключения из партии коммунистов Воробьевой, Шарикова и Нива [Е. С-ва].

1 сентября 1941 года

Лежу, смотрю в окно, вижу ясное небо, зеленую листву деревьев. Иногда солнышко, играя, заглянет. Так спокойно, кажется, и тихо. Природа нежится. Юрка безмятежен, играет на полу. Только игра его не обычная: взрывы, бомбежки, налеты, ранения. Нет, не все так спокойно. Обманчиво все кругом. Атмосфера сгущается. Что ждет нас через день, два? Уцелеем ли мы с Юркой в этой пучине. Он мал, а я больна. Вот что плохо. Я лежу и не знаю, когда встану на ноги [В. И-а]¹.

2 сентября 1941 года

Немцы почти у Ленинграда, но никто из нас не сомневается, что здесь они не будут. <...> Город вооружился, оцетинился. В высококультурных и гуманитарных учреждениях расположились вооруженные люди. В Академии художеств, Академии наук, на филфаке Университета пахнет солдатскими сапогами. Это наши ополченцы. В профессорской лежат тюфяки. По ночам здесь спят профессора-пожарные. Часто можно встретить ученого с мировым именем в грязном балахоне с кистью в руках. Они на чердаке обмазывают стропила огнезащитным составом и трепещут перед студентами — инструкторами ПВХО.

Улицы странные: окна первых этажей забиты двумя слоями досок (между ними — песок). Это придает городу нежилой вид, но масса

¹ В. И-а — учитель русского языка.

народа на улицах свидетельствует об обратном. Ездят странные автомобили зеленого цвета в бурых и черных пятнах — эта защитная мимикрия войска. <...>

Я училась в школе медсестер. 17 июля нас неожиданно сняли с учебы и отправили на земляные работы под Лугу. Рыли противотанковые рвы. Работали около месяца, и здорово работали. О нашей бригаде писалось в Ленинградской окопной правде. Потом временно работала в Педиатрическом институте лаборантом. <...> Сбежала оттуда, и тут как раз начали функционировать наши курсы. Сдала два экзамена на отлично — анатомию и фармакологию. <...> С 1 сентября начались занятия в университете [Л. К-на]¹.

3 сентября 1941 года

Рокот войны со всех сторон. Враг все туже сжимает кольцо блокады. Все ближе подбирается к стенам города. <...>

Завод набирает темпы. С каждым днем увеличиваем выпуск продукции для фронта. Сколько замечательных работников на заводе, готовых трудиться день и ночь для удовлетворения нужд фронта. Если бы все были такие. Горы можно свернуть [А. К-й].

«В самом начале войны, когда немецко-фашистские войска развертывали наступление, многие эшелоны с продовольствием, направляемые по утвержденному еще до войны мобилизационному плану на запад, не могли прибыть к месту назначения, поскольку одни адресаты оказались на захваченной врагом территории, а другие находились под угрозой оккупации. Я дал указание переправлять эти составы в Ленинград, учитывая, что там имелись большие складские емкости.

Полагая, что ленинградцы будут только рады такому решению, я вопрос этот с ними предварительно не согласовывал. Не знал об этом и Сталин до тех пор, пока ему из Ленинграда не позвонил Жданов. Он заявил, что все ленинградские склады забиты, и просил не направлять к ним сверх плана продовольствие.

¹ Л. К-на — студентка филологического факультета ЛГУ, медсестра эвакогоспиталя, из письма матери.

Рассказав мне об этом телефонном разговоре, Сталин дал мне указание не засылать ленинградцам продовольствие сверх положенного без их согласия.

Тщетно я пытался его убедить, что спортивные помещения, музеи, торговые, наконец, дворцовые сооружения могут быть использованы как склады».

А. Микоян. Так было

**«О наличии продовольственных товаров
в Ленинграде
29 августа 1941 г.
Сов. секретно**

Передано по ВЧ 29.VIII в 10 часов

Москва

тов. Сталину

Копии: тт. Микояну, Кагановичу

Доносим о наличии основных продовольственных товаров в Ленинграде:

Остаток по состоянию на 27 августа в днях составляет: по муке, включая зерно — 17, крупе 29, рыбе 16, мясу 25, сельди 22, маслу животному 29.

Считаем такое положение ненормальным, как не обеспечивающее бесперебойное снабжение Ленинграда продуктами.

Предлагаем создать в Ленинграде к 1 октября полуторамесячные запасы продовольственных товаров, для чего с учетом текущего потребления к этому сроку отгрузить: муки пшеничной 72000 тонн, муки ржаной 63000 тонн, крупы 7800 тонн, мяса — 20000 тонн, рыбы 4000 тонн, сельдей 3,5 тыс. тонн, масла животного 3000 тонн.

Просим возложить ответственность на Микояна и Кагановича за срочную отгрузку и продвижение указанных продуктов в Ленинград.

В целях экономии продуктов вносим следующие предложения:

первое — прекратить коммерческую торговлю продуктами питания в Ленинграде;

второе — нормировать отпуск чая, яиц, спичек.

С первого сентября установить месячные нормы чая рабочим и служащим — 25 граммов, иждивенцам и детям — 12,5 грамма, яйца рабочим и детям 10 штук, служащим 8 шт. и иждивенцам — 5 штук; спичек рабочим и служащим — 6 коробок, иждивенцам — 3 коробки.

Молотов Маленков Косыгин Жданов»

30 августа 1941 года ГКО принимает постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда». От наркоматов военно-морского и речного флотов потребовали срочно сосредоточить необходимые плавсредства для перевозки грузов от Лодейного Поля на реке Свирь до Ленинграда и подготовить фронт разгрузки в районе железнодорожной станции Ладжское Озеро на западном берегу. Общее руководство организацией доставки грузов было возложено на заместителя наркома Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова.

Осенью 1941 года на Ладоге не оказалось необходимого количества судов, многие находились в аварийном состоянии. Из 29 озерных барж на плаву держались только семь. Речных барж насчитывалось около сотни. Однако большинство из них можно было использовать при минимальной загрузке и только в тихую погоду. Флот располагал всего пятью озерными и несколькими речными буксирами. Для перевозки использовались все имеющиеся в наличии суда Северо-Западного речного пароходства и корабли Ладжской военной флотилии.

Первое снижение норм распределения в Ленинграде произошло еще до начала блокады города. Со 2 сентября по рабочей карточке продавали 600 г хлеба, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — 300 г. Сокращение норм для потребителей было сравнительно безболезненным. Продолжали работу учреждения общественного питания и коммерческие магазины. Работ-

ники крупных предприятий и учреждений имели возможность пользоваться услугами ведомственных столовых.

После проведения 6 и 7 сентября 1941 года детального учета продуктов питания и сырья для производства в гражданских и военных организациях выяснилось: хлеба, зерна, муки и сахара в городе по действующим нормам хватит на 35 суток, крупы и макарон, включая муку, выделенную на производство макарон, — на 30, мяса и мясопродуктов (включая живой скот в переводе на мясо) — на 33, жиров — на 45, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток. Для мирного времени резерв вполне достаточный, но в условиях, когда традиционные пути подвоза находились в руках противника, а водный путь по Ладожскому озеру еще только осваивался, запасов было катастрофически мало.

6 сентября 1941 года я, как обычно по субботам, поехал домой помыться и переодеть белье. Уже на Прогонном переулке я почувствовал в поведении людей что-то необычное. Все спешили к трамваю, одни бегом, другие под тяжестью тюков мелко и быстро семеня ногами. Люди были напуганы.

Я поспешил к дому. Только успел спуститься с горы на Прогонном переулке, как в метрах 150 раздался сильный взрыв. Инстинктивно нагнулся к земле и правильно сделал — над головой с визгом пролетел кусок металла. Поднялся и сразу же был засыпан землей и грязью. Отряхнувшись, побежал к дому.

Около дома 9 собралась небольшая толпа любопытных. Снаряд упал между домов, повредив их осколками. Невдалеке лежал разорванный осколками мальчик. Рядом с домом стонали две раненые женщины. Дом оказался закрыт. Все жильцы прятались в выкопанной во дворе щели. Там я увидел своих. Они были напуганы и ошеломлены. Чтобы хоть как-то ободрить их, рассказал анекдот. Не помогло. Вдруг в сотне метров от нас вновь упал снаряд. Дзинькнули стекла. Наступила жуткая тишина, а затем раздалась стоны и крики. Значит, опять кого-то ранило.

Отыскал мать. Она ухватила меня за пальто и не отпускала от себя, хотя я никуда и не пытался уйти. Оказывается, немцы уже дали восемь

выстрелов по заводу им. Ленина. Ни один из них в цель не попал. Правда, на территории завода два снаряда разорвались — один на шихтовом дворе, другой в медпункте. Все это объяснила мне мать, путая слова и названия. <...>

Немцы стреляли регулярно, через каждые полчаса. В перерыве между выстрелами народ выбирался из траншей, бежал на место разрыва и оказывал первую помощь пострадавшим, а через 25 минут снова забирался в укрытие.

Наш дом и траншея оказались на пути между стреляющим орудием и заводом. Снаряды рвались вокруг дома, срывали крыши, повреждая квартиры. Всего за вечер пострадало 34 человека.

Уговорил мать срочно перебраться, захватив ценные вещи, к Добычину и там остаться на несколько дней.

В 9 вечера направился к Смольному. Выстрелы раздавались все чаще. Только успел пройти сталелитейный цех, находившийся рядом с улицей, как раздался взрыв. Разворотило всю мостовую и заводской забор, цех остался невредим.

На трамвайной остановке собралась толпа с узлами и чемоданами. Все стремились перебраться в Петроградский район. Трамваи задерживались. Дошел до Смольного пешком [А. Г-ч]¹.

«ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ ОТ ГНЕВА И БЕССИЛИЯ...»

Фрагмент из дневниковых заметок Л. А. Х-ва²

В июле пришла команда подготовить данные по демонтажу и эвакуации оборудования, демонтировать турбогенератор № 4 и котел № 6 отправить на Урал. Демонтируем, упаковываем и отправляем. Все, за исключением статора генератора и конденсатора турбины. В Ленинграде нет большегрузных транспортеров. Получаем команду на демон-

¹ А. Г-ч — зав. сектором печати в горкоме — сентябрь 1941—1 мая 1943 годов.

² Л. А. Х-в — в начале войны главный инженер Государственной электрической станции им. С. М. Кирова (8-я ГЭС, ныне — Дубровская ТЭЦ им. Кирова) в поселке Невдубстрой (ныне г. Кировск). Станция была построена на левом берегу Невы в 35 км к востоку от Ленинграда (ныне Петербург) в 1929—1933 годах. После вынужденного переезда в Ленинград Л. Х-в был назначен главным инженером 2-й, а затем 5-й ГЭС.

таж турбогенератора № 2. Приступаем, упаковываем. Нет порожняка. Ничего не уходит. Остается разобранным.

Немцы перерезают дорогу на Ленинград. Зенитчики остаются без снарядов. Устраиваем два парома. Перевозим машины на правый берег. Связь с Ленинградом восстановлена через правый берег Невы. Объявлен набор в Народное ополчение. Много желающих. Ранним утром два товарных вагона увозят наших ополченцев. Плачут жены, дети...

Партком отбирает людей в партизанский отряд. Августовским жарким днем провожаем на берегу катер. Строй, речи секретаря парткома, командира, комиссара отряда...

Создан истребительный взвод для борьбы с парашютистами. Немцы подходят ближе. Зарево пожаров приближается. Появились немецкие бомбардировщики, бомбят поселок. Бомбы падают в Неву. Приказываю построить бронедрезину. Подбираются смельчаки. Ездят под Мгу. Вывозят оружие и раненых. Создается вооруженный отряд. Набрали 100 винтовок, патронов, ручной пулемет. С завода Морозова привезли гранаты. Спасли около 150 брошенных под Келколово раненых. Косогин, Этминович, Кустарев — смелые, находчивые ребята. Получаем команду подготовить вывод станции из строя.

Подобрал исполнителей. Все спим на станции. На стуле гранаты. В изголовье карабин. Приготовил 3000 бутылок с горючим.

В поселке первые жертвы. На наблюдательной вышке гибнет от пушечного обстрела с самолета Тепляшев. На очередь за хлебом упали осколочные бомбы. Погибли 11 человек. На повозке убитая девочка. Вываливались мозги.

День за днем выходят из строя линии передачи. Вышли все пять линий передач 35 киловольт.

Звонок с подстанции Арбузово, сообщили: уходим, противник рядом. Вышли из строя четыре линии передачи 110 киловольт.

Работаем по последней — единственной линии, идущей прямо от станции на правый берег Невы.

Работали до последней минуты. Передали последнюю мощность — 110 мегаватт. Грелись провода. 6 сентября выходит из строя последняя линия. Станция цела. Повреждения разбитых путей исправлены. Есть топливо, но станция отрезана. Работаем 20 часов вхолостую. Вызываю бригаду высоковольтной сети для ремонта линии. Бригада 6 сентября находит повреждение и приступает к восстановлению.

5 и 6 сентября — сильная бомбежка поселков, в воздухе одновременно до 100 вражеских бомбардировщиков Ю-88. Бомбят с 7 ч утра до 9 ч вечера. Убитых и раненых около 100 человек. Погиб начальник смены котельного цеха Романов, ранен дежурный инженер Микишин и многие другие. Население зарывает вещи, некоторые раненые уезжают через Мгу на восток, некоторые уходят пешком. Эвакуации поселка никто не обеспечивает.

Внезапный прорыв фронта. По шоссе отдельными группами тянутся красноармейцы без оружия и командиров. Изнуренные. Взоры опущены в землю. Уходят к Шлиссельбургу, к переправе. Никто их не останавливает. Двукратная бомбежка Мги. Немцы почти без боя занимают Мгу. Мга не имеет зенитной защиты.

К станции подходят канонерки. Бьет дальнобойными по Мге. Налет на канонерку. От залпов канонерки в кабинете дрожат стекла. Две недели немцы в 7 км от нас. Привыкли, работаем. Нахально низко летают самолеты. Зенитчики — славные ребята. Сбивают 17 шт.

Поток беженцев. Выведена из строя вся связь. Все линии передачи, торфосклад без энергии. Стал хлебозавод. Пытаюсь восстановить. Из-за повторных бомбежек опять разрушения в поселке. В 5 часов 7 сентября получаем приказ по сохранившемуся подводному телефонному кабелю через единственную не сбежавшую телефонистку, сидящую на коммутаторе вторые сутки: станцию остановить. Персоналу отойти на правый берег Невы. Оборудование из строя не выводить. Накануне 6 сентября вечером мимо станции отошли последние части. Между немцами и станцией больше нет войск. В семь часов 7 сентября станция остановлена. Направляю начальников цехов с вахтенным персоналом к месту стоянки буксира, которое выбрал ночью.

С пульта звоню в Ленинград диспетчеру. Сообщаю о полной остановке станции, об уходе персонала. Прошу сообщить руководству системы. Выхожу со станции последним. Со старшим диспетчером Волынским иду к переправе скрытно — бегом в кустарнике, так как бомбардировщики уже бомбят дорогу и поселки.

Все собрались в лесистом овраге у реки. Даю команду рабочим переезжать на правый берег, углубиться в лес и ждать там нас. Назначаю старшего.

Буксир пересекает реку. Люди бегом направляются в лес. Самолеты противника подлетают и начинают бомбить лес. Но все обхо-

дится благополучно. Самолеты улетают, буксир возвращается за нами. Прячется за полузатопленную баржу. Вокруг непрерывная бомбежка. Решил ждать, может быть, еще кто-нибудь подойдет.

Последние патрули оттянулись за технический городок. Ждем до 10 часов. Подходят еще 10–15 человек из поселка. Бомбежка все сильнее. Больше никого нет.

Выждав момент, когда самолетов в непосредственной близости нет, команду посадку. Пересекаем реку напрямик, пристаем к плотам. По плотам, с бревна на бревно, проваливаясь в воду, добираемся на правый берег. Какая поразительная тишина. Возвращаюсь к берегу. В первом городке пулеметная стрельба. Никто из наших больше не появляется, оставляю у реки двух наблюдателей. Отвожу всю группу из-под начавшейся бомбежки и минометного обстрела к Черной речке.

У Черной речки выходим на берег. По нам открывают минометный огонь. Мина разрывается на плоту в 20 шагах от нас. Принимаю решение отходить на Ленинград. Минометы противника у станции.

Идем болотами, лесами на железнодорожную станцию Дунай. Неоднократно попадаем под бомбежку, валяемся в канавах промокшие, замерзшие. Приходим поздно вечером за 30 км на Дунай. Забираюсь в стог сена, засыпаю.

Просыпаюсь от паровозного гудка. Случайный поезд. Вваливаемся. Набито битком. Хочется плакать от гнева и бессилия. Погибла одна из крупнейших станций Советского Союза

Поезд останавливается, не доезжая до Ленинграда, пешком приходим в город. Всего спаслось с нами около 300 человек из 1800. Две недели занимался размещением людей на работу, обеспечением жилья...